ELLEN FALLEN
Точка отсчёта

Эллен Фоллен
Точка отсчета

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63802083
E. Fallen. Точка отсчёта:

Аннотация

Говорят, что я не в норме. Родители уже устали от моих эмоциональных взрывов. Безудержное веселье сменяется паникой, апатия – яростью, сексуальный голод приходит на смену физическому. Так проявляется биполярное расстройство. Видимо, снова пора в психиатрическую лечебницу. Но я не хочу. У меня всего одно простое желание – чувствовать себя живой. И если единственный способ это понять – причинить себе боль, то я готова.

Всё, чего я хочу, – оказаться рядом с Джонатаном, моим братом. Нужно всего лишь сделать шаг. Джонатан когда-то смог (хотя родители и говорят, что это случайность). А я… не могу.

Мне плохо и страшно. Поэтому я возвращаюсь к Юджину. Он – единственный настоящий человек в моей искаженной реальности. Я чувствую, что могу жить полноценной жизнью благодаря таким, как он. Ему наплевать на мои вспышки, агрессию, погружение в себя. Может, потому, что он всегда в наркотическом дурмане? Он калечит мое тело, заставляя душу чувствовать – я жива!

Но за руль садиться мне противопоказано. Поэтому я обращаюсь к оказавшемуся рядом мужчине, Уэйну. Он великолепен и, как это ни удивительно, заинтересован во мне. Быть может, он не случайно появился в моей жизни. Что, если он станет тем самым смыслом, которого я так упорно ищу? А может, наоборот, именно он откроет мне двери в ад?..

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	35
Глава 4	47
Глава 5	57
Глава 6	68
Глава 7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Ellen Fallen
Точка отсчёта

© Ellen Fallen

* * *

Пролог

Джонатан держал меня за руку, рассматривая кровавые следы оцарапанных колен и локтей. Его тёмные ресницы дрожали, он выглядел измождённым, хотя рваная тёмная чёлка скрывала от меня большую часть лица. Он всё ещё смывал холодной водой мою кровь, тщательно осматривая раны. Мне было неприятно, но я терпела, так как мой брат попросил меня об этом. Позади раздался шум, я повернулась, чтобы убедиться, что это то, о чём он предупреждал. Всего лишь камыши перешёптываются между собой, подгоняемые ветром. Мне же казалось, что кто-то следит за нами, наблюдает со стороны и хочет сделать нечто плохое.

– Ты специально спрыгнула с дерева? – спрашивает меня брат подавленным голосом. – Из-за страха? Как же я надеюсь, что у тебя всё пройдёт, хочу, чтобы ты была иной, не такой, как предполагают врачи. Это не приговор, Лея…

Я жую нижнюю губу, кусая её до крови. Липкий страх, ощущение, когда грудь сдавливает от едва сдерживаемых рыданий без причины. У меня снова плохое настроение, словно я мертва внутри. Никто не знает, кроме него, что я специально сорвалась с дерева, хотела почувствовать боль, что-то почувствовать. Только вот сказать об этом вслух стеснялась.

Джонатан стягивает с себя футболку, вытирая мои трясу-

щиеся колени, прижимает к ранам ткань. Его глубокие карие глаза тусклые и безжизненные, он слишком давно не спал, торопился ко мне. Он говорил, что переживал за меня, не мог сомкнуть глаз. Я с трудом узнавала в этом человеке своего брата. Он как заблудшая душа, с этим тоскливым взглядом, устремлённым к месту, где течение усиливается.

– Это тяжелей, чем я себе представлял. Мне сейчас так страшно, Лея. Что это такое, чёрт возьми? И как мы могли пропустить происходящее с тобой? – очень медленно он поднимается на ноги. Я рассматриваю его чёрные джинсы с потёртыми коленями, порванные в нескольких местах, цепочку, свисающую из кармана, скрывающую его любимые часы. – Ты их любишь, да? – вытаскивает старинную реликвию, раскрывает одним нажатием кнопки, поворачивая ко мне циферблатом.

Я молча качаю головой, наблюдаю, как замерли стрелки. Брат крутит маленький ролик, одобрительно хмыкая себе под нос.

– Они отсчитывали моё время, – он наклоняется, смахивая чёлку цвета воронова крыла с глаз, – думал, пока стрелки движутся, я жив. Мне становилось легче от их мерного тиканья. Он отдаёт их мне, крепко сжимая двумя ладонями и заглядывая в глаза. – Они перестали работать, будто угадали момент, остановились, и я застрял. – Джонатан заглядывает в мои глаза, всё, что в них отражается, – это боль. Почти такая же, как и моя, только усовершенствованная версия.

– Тик-так… время просачивается сквозь пальцы… – нежно поёт он. – Я знаю, ты понимаешь меня. Иногда твоя боль становится невыносимой, ты устанешь бороться. И тогда… – он оглядывается на реку, его пальцы сильней стискивают мои ладони, – начинаешь причинять себе боль. Отпусти ситуацию, плыви по течению, и страх исчезнет. Тебе понравится жить.

Смотрю туда же, куда и он, пугливо комкая ткань, впиваюсь в неё все сильней, испытывая дикий страх перед неизвестностью.

– Лея, – он приподнимает мой подбородок, – прости меня. Прости, что не был с тобой рядом, когда ты упала. – Наклоняется и целует меня в лоб, замирая в этом положении на несколько секунд. – Теперь я с тобой, ведь ты мой ангел.

– Джонатан, – мой шёпот практически не слышно из-за рёва ветра, он забирает свою футболку и идёт к реке. – Я хочу с тобой. Не оставляй меня. – Привстаю, но он усаживает меня обратно.

– Наблюдай, как тикают стрелки, и не двигайся, – указывает на часы. – Пусть это будет твоей точкой отсчёта. И пусть твоё время никогда не останавливается. – На его губах появляется лёгкая улыбка. – Посиди тут, пойду сполосну ткань, не хочу пугать родителей. Я на секунду. Ничего не бойся. Сколько раз говорил, поправь эти ужасные лямки от комбинезона, свисающие на твоих бёдрах, зацепишься и убьёшься ненароком!

Сосредотачиваюсь на стрелке, моё сознание полностью погружается в отсчёт, даже несмотря на всплеск воды и надвигающуюся грозу. Постепенно всё, что меня тревожило: шёпот камыша, громкие раскаты и бурные речные потоки воды – всё стало таким далёким и ненужным. Страх и нервозность отступают, и я с улыбкой отрываюсь от циферблата в поисках моего старшего брата. Мне надо сообщить ему, что я больше не боюсь. Только его нигде не видно. Соскакиваю с камня, цепочка часов выпадает из рук на песок.

– Джонатан? – произношу едва дыша.

Я не оставлю его. Надо сделать лишь один шаг, и мы будем вместе.

Глава 1

Моё тело раскачивается из стороны в сторону в такт нежной мелодии, пальцы танцуют по клавишам, останавливаясь только для необходимой паузы. Я наклоняюсь немного вперёд, закрываю глаза и полностью погружаюсь в себя. Всегда мечтала играть на фортепьяно. Переживаю, люблю, ненавижу, боюсь и яростно сражаюсь с самой собой. Оставив реальность за пределами этой спальни, я нуждаюсь в умиротворении. Мой измученный внутренний мир погибает в жизненной рутине. Воздух становится всего лишь деталью, вместо необходимости.

Музыка – мой кислород, моё спасение в этом мире. Лекарство от боли и забвения. С ней мне не нужны ноты, нет необходимости читать их и вспоминать, я слышу мелодию посвоему. Она проходит через меня, рождается во мне и умирает, вместе с моими разложившимися на мелкие частички эмоциями. Моя душа поглощает и проносит через себя каждую ноту, избавляя от мучений и страданий.

Пальцы лишь на миг замирают для плавного перехода и бегут по клавишам, играя заключительную часть. Ту, в которой я снова возвращаюсь в настоящую жизнь. Я будто бегу по туннелю, и каждый раз меня выкидывает на уже пройденный участок. Словно замкнутый, порочный круг. Я думаю, что уже нашла выход, выход из положения, только мне не

суждено выбраться из своего плена никогда. И даже через много лет я буду погружаться всё глубже в себя, прятаться от самой себя, исчезать и возвращаться поломанной… Говорят, музыка исцеляет души, превозносит всё на другой уровень. Может, я всё ещё не познала истины, не достигла её вершин, не сделала что-то ради возможности возродиться?

Разве это так сложно? Начать всё сначала? Сбросить все настройки и наметить новую точку. Без отсчёта, без границ и без правил.

Пальцы замирают, и я чувствую, как моя душа содрогается, рыдая, не желая возвращаться из фантазий. Последние аккорды самые сложные, они напоминают о моём времени, которое истекает, о часах, заведённых Джонатаном, лежащих на крышке фортепьяно. Голова тяжелеет, опираюсь лбом о панель, заканчивая мелодию, вспоминая, как дышать.

– Мисс Фелпс, прошу… – слышу голос нашей горничной, – прощения. Ваши родители ожидают вас.

Я открываю глаза, сосредотачиваясь на бело-чёрных клавишах, глажу гладкую поверхность, ощущая их нежность под подушечками пальцев.

– Передайте им, что сегодня я пропущу завтрак, так как уезжаю, – моргаю, поймав крошечный солнечный зайчик, пробирающийся сквозь тяжёлые портьеры.

– Хорошо, мисс, – женщина исчезает за дверью, оставив меня в одиночестве.

Встаю и направляюсь к окну, раскрывая ткань и впуская

свет. Сегодня тот самый день, когда у меня нет желания видеть и слышать домочадцев. Зная меня многие годы, никто не станет настаивать на встрече или упрашивать поступить как-то иначе. У меня есть моё личное пространство, и входить в него не стоит. Никто из них не обидится и примет информацию как данность, они привыкли к моим перепадам настроения, отрешению. Ни для кого не секрет, сколько раз в сутки я думаю о своей жизни. Вернее, о желании жить.

Двери снова приоткрылись, и миниатюрная девушка, слегка кивнув мне, беззвучно уходит. Время уборки. Обхожу комнату по маршруту, проделанному ранее, гашу свечи, убираю на места подсвечники. Бережно закрываю крышкой фортепьяно, бесшумно ступаю босыми ногами по ковровому покрытию и исчезаю за смежной дверью, ведущей наверх. Плавная круговая лестница устремляется прямиком в мою комнату, где я могу заняться своими делами. Оглянувшись по сторонам, я не могу скрыть своего раздражения, всё расставлено по местам, мной. Я сделала это пару часов назад. Усевшись на кровать, я расправляю длинную плиссированную юбку, рассматриваю рисунок, то, как нити в изысканном танце сплетаются между собой. Надо переодеться, только во что?

Новый пост в инстаграме вызывает во мне прилив эмоций, радостных или грустных, сейчас не совсем понятно, но мне не терпится прочитать его полностью.

– Ох, Юджин… – выдыхаю его имя, как будто он святой,

но это не так. Его фотография склонившегося над очередной картиной вызывает во мне массу воспоминаний.

Встаю с кровати и раскрываю шкаф, перебирая вешалки с многочисленными вещами. Большинство из них передали знакомые дизайнеры, я вроде как являюсь лицом их брендов. Выставки, красные дорожки, модельные показы и прочее, моё присутствие обязательно. Но бывают времена, когда я нахожусь далеко за пределами досягаемости… психиатрическая клиника, в которой мне вправляют мозг и убеждают, что красиво жить – хорошо!

Вот среди этого мракобесия меня спасает яркое пятно, появившееся уже некоторое время назад в моей жизни. Почему пятно? Юджин бесподобный молодой человек. Обесцвеченный блондин с вечно лохматой шевелюрой нечёсаных волос. В его ушах маленькие колечки, всё тело покрыто пирсингом и татуировками. А рост, если бы не худоба, я могла бы подумать, что он баскетболист, только с лужёной глоткой. Да, алкоголь и травку он употребляет так часто, что мне проще сказать, когда он полностью трезв. Ему необходимы они для творчества, так говорит человек. Мне бы бежать от него, но я соткана из противоречий и, видимо, поэтому уже некоторое время живу с этим парнем в перерывах между лечением и нахождением дома под присмотром многочисленной прислуги и родителей. Но сейчас всё хорошо, кризис миновал, и мне необходимо возвращаться к своему обычному существованию.

– Армани осатанеет, – вытаскиваю чёрную юбку от Ланвин и блузку с гипюровыми вставками на рукавах.

Переодеваюсь, натягиваю ткань, проверяю, видны ли шрамы на запястьях. По контракту мне нельзя светиться подобным, тем более они свежие, едва затянувшиеся. Расчёсываю перед зеркалом свои зелёные волосы, сбрызгиваю лаком ломкие локоны. Наношу густой слой туши, мои длинные ресницы делают глаза ещё выразительней, а пару стрелок соблазнительными. Красная фетровая шляпа с широкими полями становится неотъемлемой частью моего образа. И великий Армани будет очень рад узнать, что я всё же надела что-то из его новой коллекции. Вишнёвая помада, которая аккуратно очерчивает мои губы, придаёт вид сексуальной штучки, и мне это нравится. Настроение мгновенно меняется, я чувствую этот прилив крови к щекам, когда всё тело приятно покалывает от положительных эмоций. Забираю с прикроватного столика свой телефон, предварительно расставляю всё по местам и иду к выходу.

Я слышу, как из столовой доносятся приглушённые разговоры моего отца с мамой. Каждое утро они обсуждают важные деловые вопросы, странно, что на повышенных тонах.

– Я не хочу больше проблем. Давайте прекратим обсуждать это, никаких альтернативных методов, – кричит мой отец. – Считаете это ужасной ошибкой, ваше дело. Я не позволю произойти этому снова, всё вышло из-под контроля. Признайте это.

– Тогда почему не сделал это раньше? – твёрдо говорит моя мама. – Молюсь, чтобы мы не прошли через этот ад снова! Оставляя один на один с проблемой, на кого ты полагаешься? На Бога?

– Всё зависит только от неё. Мы бессильны.

Я не могу понять, они что, ругаются между собой? Только это из раздела фантастики, мои родители слишком идеальные, чтобы портить отношения. За всю семейную жизнь они ни разу не позволили себе повысить голос и обратиться неуважительно, оскорбить словом. Именно поэтому они не понимают, как я вообще существую в таких отношениях. Что же вынудило их разговаривать таким образом друг с другом? Останавливаюсь около двери, пропускаю колонну из официантов. Интересно, я не знаю о гостях? Девушки несут серебряные подносы, накрытые крышкой, кто-то толкает тележку. Заметив меня, они приостанавливаются, панически сталкиваясь друг с другом.

– Доброе утро, мисс, нам сказали, что вас не будет, – запинается та, что постарше остальных, я придерживаю шляпку, ухмыльнувшись их вытянутым лицам, и пробегаю мимо. – Мы принесём ещё приборы и приготовим…

– Всё в порядке, у меня есть пальцы, и я всегда могу воспользоваться ими, – подмигиваю самой испуганной, прежде чем скрыться за дверьми столовой.

Я слышу, как они выдохнули с облегчением. Работникам нашего дома приходится несладко, бывают времена, когда

становлюсь абсолютно невыносимой, и это не моя вина. Будь моя воля, я бы постоянно улыбалась всем окружающим меня людям. Но на то воля Божья. Я такая, какой он меня создал. Может, однажды кто-то поймёт предназначение таких, как мы?

– Лея, доброе утро, моя милая, – папа первым замечает меня, привстаёт и крепко обнимает, целуя в щёки. Я осматриваю столовую, только кроме моих родителей здесь никого нет.

– Доброе утро, папочка и мамочка. Я помешала? – двигаюсь по направлению к маме, обнимая её в ответ.

– Что ты. Ни в коем случае! Как спала, вишенка? – морщинки в уголках её глаз выдают беспокойство.

Отхожу от неё на расстояние, предварительно стащив со стола тост, намазанный маслом.

– Лучше некуда, – только откусив кусочек, я поняла, насколько голодна, пережёвывая, испытывала наслаждение, схожее с оргазмом. Громко промычав нечто нечленораздельное, я забрала второй, уже приготовленный моей мамой и снова откусила большой кусок.

Голод! С ним я сталкиваюсь практически сразу после сильного приступа агрессии. Будто организм хочет восполнить другие потребности. Продолжая хрустеть, я замечаю некоторую закономерность. Моя жизнь состоит из семи составляющих: голода, в том числе и сексуального, безудержного веселья, панического страха, апатии и желания умереть,

которое плавно сменяется дикой агрессией. И вот когда я прохожу все эти стадии – я хочу есть, много и всё, что попадает под руку.

Родители понимающе наблюдают за моим поведением, кивают официантам, чтобы они заносили всё, что они могут нам сегодня предложить.

– Присаживайся, родная, – папа выдвигает стул рядом с собой, похлопывая по мягкой обивке. – Успеешь ты по своим делам.

Я мычу, запихивая в рот всё без разбора. Яйца пашот расплываются по тарелке, как только протыкаю их ножом, накалываю на вилку кусочек хлеба и обмакиваю в желтке. Главное, не переесть, не хочу снова блевать перед моим парнем.

– Вот чёрт, я не сказала? Это не дело, пришло время возвращаться, – восклицаю с набитым ртом, подавшись вперёд, вытаскиваю из сумочки телефон. – Чёртов айфон, палец никогда не хочет срабатывать! – облизываю, затем вытираю подушечки пальцев о салфетку.

– Лея, – мягко произносит мама, отодвигая в сторону очередной стакан сока из манго, стоит мне поставить локти на стол. – Не могла бы ты повторить, золотце?

– Прости, мам, но мне необходимо забить кишку дома, чтобы не расплескать всё по пути. Не хочу пугать Юджина, если меня снова вывернет, – быстро перевожу взгляд с телефона на родителей и обратно.

– Неужели ты снова собралась к нему? Лея, ты была в ужа-

сающем состоянии в прошлый раз. Перед твоей госпитализацией… Малышка, не надо снова делать это с нами, папа никогда не умел скрывать свою брезгливость относительно моих парней. – Милая, – папа предостерегающе смотрит на маму, я уже схлестнулась с ней взглядами и не собираюсь отступать. – Ты разумная девочка. Я же попросил тебя.

– Не спорю, только он уже несколько раз подвёл её. И каждый раз, когда он появляется на горизонте, наша дочь не в себе, – мама собирает ладони в замок и слегка наклоняется к столу. – Тебе нравится мучиться?

– Вы не понимаете, – отрицательно качаю головой, моё настроение полностью зависит от оппонента на той стороне связи моего телефона. – Всё не так, Юджин ни в чём не виноват.

Парень оставляет на стене один за другим посты, все они по-своему прекрасны. Я полностью отключаюсь, продолжая жевать какие-то тарталетки со сладким кремом и ягодами поверх них, запивая всё вкусным чаем. Родители начинают переговариваться между собой, решая мои проблемы, хотя никто их об этом не просит. Папа доказывает что-то своё, всегда на моей стороне, пока мама докапывается до меня. Ещё один плюс биполярности, когда мы проходим стадию агрессии, вот этот жор и сексуальное влечение трудно сбить чем-то по типу домашнего воспитания. Мозг просто отключён, еда становится жизненно необходимой.

– Лея, я много раз уже говорила тебе избавиться от этих

отношений. Они тянут тебя на дно. Кто он? Мы его ни разу не видели вживую. Как ты вообще представляешь такого бездельника около себя? А что насчёт журналистов?! Последняя вышедшая статья гласила о том, что он музыкант! На чём же, простите, он играет? На наших нервах и терпении?! – мама касается телефона в моих руках. – Если вдруг он ещё раз сделает тебе больно…

– Не сделает, – приподнимаюсь, вытираю губы салфеткой и кладу её в одну из пустых тарелок. – Он чрезвычайно творческий человек. Гитарист.

Отец сжимает салфетку, и я улыбаюсь ему благодарная за поддержку.

– Мам, не начинай, ты не хочешь слышать от меня причины. И не хочешь лезть в это дерьмо! – взрываюсь я, ощущая, как мои щёки пылают от гнева.

– Господи, давайте только не сейчас, – громко восклицает отец. – Марика! Не надо поднимать тему, о которой мы не хотим говорить! Не надо волновать её! – он обращает внимание на меня. – Лея, послушай. Мы с мамой всегда будем на твоей стороне, что бы ни случилось. Только, пожалуйста, береги себя и не делай глупости.

– Артур, она идёт к нему! Неужели у нас нет никаких условий или ультиматумов? Я не могу так! – из глаз мамы брызгают истерические слёзы, и мне становится противно, что я не могу закрыть свой поганый рот и обязательно сейчас сорвусь.

– Я последний раз вам объясню и очень надеюсь, что до вас дойдёт! Юджин единственный настоящий человек в моём спутанном сознании, искажённой реальности. Я чувствую, что могу жить полноценной жизнью благодаря таким, как он. Ему наплевать на мои вспышки, агрессивные стычки, погружение в себя! Он напичкан всяким дерьмом, иногда еле ворочает языком и мочится мимо писсуара, его переполняют низменные чувства, и он не прочь совершить аморальные поступки. И на его фоне моя биполярность – это просто дерьмо на подошве ботинка, его растираешь о траву и движешься дальше. Вот так мы выживаем! Понимаете? Я, прежде всего, человек. У меня есть свои потребности, и вы не вправе постоянно осуждать и решать за меня. Поймите, там, рядом с ним, мой дом. И у меня не получается иначе, – я задираю гипюровые рукава, оголяя свежие розовые шрамы на изгибе рук. – Ни один нормальный мужчина не станет встречаться со мной. Жить в вечном страхе, что я покалечу себя или его, ждать, что он однажды столкнётся с утечкой газа и в один прекрасный момент не проснётся. Никто не станет выдерживать мои истерики, крики, побои, лезвие у горла, – наливаю себе воды в стакан и выпиваю её залпом, вытирая капли, стекающие по подбородку тыльной стороной руки. – Давайте будем честными друг с другом. Затмения стали происходить слишком часто, и это начало конца.

– Лея, – шёпотом произносит мама плача, прикрывает рот рукой. – Зачем ты так о себе?

– Мам, не надо. Однажды я сделаю то же, что и Джонатан, вопрос времени. Даже ваша постоянная слежка не спасла его. И меня тоже. Поэтому всё бесполезно. Вся наша жизнь сплошное разочарование, мы всего лишь атомы, – наклоняюсь и целую отца, затем маму. – На фоне меня Юджин безобидная жертва. Я живу, вы же этого хотели? Хорошо хоть не убила ещё никого нечаянно. Если уж повторяю историю моего брата, то это станет точкой отсчёта… К чёрту.

– Джонатан не убивал себя, – хмурится мама, – это случайность. Ты ведь тоже чуть не погибла.

– Ну и живой меня назвать сложно, – усмехаюсь я, заталкивая в рот пирожное.

Хлопаю по столу рукой, заканчивая этот бесконечный разговор, не имеющий никакой развязки. Прохожу мимо девочек горничных, улыбаюсь им одними губами.

– Я согласна на альтернативу, на всё что угодно! Верните мою дочь! – громко говорит мама, не представляю, кого она за мной отправит.

В холле открываю отсек с ключами, но не нахожу от своей машины. Раздражённо перебираю каждый, несколько из них падают на плитку, издавая звон. Мне стоит остановиться и успокоиться, не позволять тьме накрыть меня.

– Вам помочь? – позади меня появляется дворецкий, вытянувшись в струну, он следит за моими метаниями, но не рискует лезть без разрешения.

– Ключи от моей машины. Где они? – захлопываю дверцу

и вижу своё отражение в зеркале, отшатываясь назад.

Не сейчас! Мои зрачки практически закрыли зелёную радужку, на впалых щеках появился лихорадочный румянец, так бывает незадолго до очередного приступа. Нет, я не хочу снова в больницу. Шрамы на руках начинают ныть, я делаю ещё пару шагов назад, натолкнувшись на входные двери.

– Найдите ключи от моей машины и подгоните мне, буду ждать на улице, – бросаю взгляд на дворецкого и толкаю входную дверь, он кашляет, привлекая моё внимание, и я останавливаюсь. – Что ещё?

– Извините, мисс… но вы разбили свою машину, перед тем как… – он замолкает, прочищая горло. – Ваш доктор попросил воздержаться от вождения… после… У вас постельный режим. Мисс Фелпс… – позади я слышу голос дворецкого, – вам ни в коем случае не стоит покидать дом. У вас ведь назначена встреча в клинике.

Я провожу ладонями по лицу, вспоминая тот последний раз, когда я решила, что больше не могу жить. Голова закружилась от воспоминаний, всё поплыло перед глазами. Не обращая внимания на болтовню дворецкого, выхожу за дверь. Заплетающимися ногами бреду по тропинке туда, где открываются ворота, мне не хватает воздуха, будто разучилась дышать. Авария, словно это я пролетела на бешеной скорости на красный свет, когда передо мной возникла другая машина, я вывернула руль, через секунду врезалась в отбойник. Или не вывернула руль, воспоминания похожи на вспыш-

ки моментов того, что, возможно, уже было. Со мной что-то происходило, я чувствовала эту вселенскую усталость, поэтому вернулась в машину и нажала на газ. Всё вокруг закружилось, мне приходится вцепиться пальцами в узорные ворота, чтобы не упасть на дорогу, ведущую в наш коттедж.

– Дышите глубже, – мятное дыхание, смешанное с ненавязчивым одеколоном, я вдыхаю его запах, наслаждаясь этим неловким падением. – Позвольте вам помочь.

Только мне не стоило смотреть на него. Его глаза спрятаны за тонкой оправой очков для зрения. Черты лица правильные и симметричные, короткая ухоженная щетина, нос немного с горбинкой, прямые брови и тёмные волосы, подстриженные по последней моде. Он, будто почуяв неладное, зачёсывает пряди назад, посылая мне мимолётную приветливую улыбку, пока я не могу оторвать от него взгляда. Моргаю, замечая, что он уже не скрывает своей улыбки и доволен произведённым впечатлением. Мужчина помогает мне встать, всё ещё удерживая за руки.

Делаю решительный шаг по направлению к его машине.

– Увезите меня отсюда. Пожалуйста, – он пропускает меня вперёд. Поток воздуха в лицо, и я ловлю себя на мысли, что именно так пахнет Рай.

Глава 2

В салоне пахнет кожей и его туалетной водой, что-то предельно сексуальное и неприличное приходит на ум. Украдкой смотрю на своего водителя: волевой подбородок, сжатые губы и сосредоточенный взгляд. Тонкая оправа на его очках сверкает, до такой степени он натёр их. Пальцами глажу прохладную кожу, замечая, насколько ухожен салон. Машинка явно дорогая, и хозяин очень переживает за её внешний вид. Длинные пальцы мужчины касаются кнопок на панели, из колонок звучит нечто усовершенствованное, современное, но в инструментальной версии.

Отворачиваюсь к окну и начинаю себя накручивать. Сейчас у меня другой период в жизни, пусть ничем не отличающийся от прошлых лет, то, что постоянно, – не всегда плохо. Открываю рот, поворачиваюсь к мужчине, но тут же отворачиваюсь, вцепившись в дверную ручку. Только не это, не сейчас… В голове начинает шуметь, ногти впиваются в кожаную обивку кресла, оставляя на ней следы.

– Уэйн Уайлд, – прерывает он молчание, его ладонь появляется перед моим лицом, я оборачиваюсь, отмечая его искреннюю улыбку.

– Лея, – у него красивые ладони с длинными пальцами, коротко остриженные ногти, а кожа упругая и приятная на ощупь. – Обычно я не сажусь в машину к незнакомцам, впро-

чем, раньше никто не ошивался на территории.

– Вы о моём появлении около вашего дома? Случайности случаются, – он переводит взгляд с дороги на меня, всего лишь на мгновение, уголок его чувственного рта пополз вверх. – Я обычный человек, так получилось, находился в нужное время, на нужном месте, не так ли?

– Насколько случайно? – выгибаю бровь.

– Вы хотели спросить, насколько обычный? – мягко ухмыляется, опускает голову, поправляя очки. – Ничего криминального, Лея, – поднимает на меня взгляд, выражение лица становится непроницаемым. – Я могу быть кем угодно, но вас сейчас интересует не этот вопрос.

– Вам кто-нибудь говорил, что вы выглядите как проблема? – моё сердце спотыкается, громко ударившись о рёбра, будто падает прямо в желудок.

– Скорее вы проблема для меня. Ящик Пандоры ничто по сравнению с вами.

Прекрасная и опасная. Мне стоит остановить машину и высадить вас прямо сейчас, пока вы не применили свои чары? – он поправляет тонкую оправу очков за дужку ближе к уху. – Я пошутил.

Несколько секунду я смотрю на его профиль, почему-то мужчина становится интересней вида из окна, моих постоянных лабиринтов мыслей. Другая построит с ним свой мир, свою жизнь. Господи, помоги мне уйти отсюда. У меня есть молодой человек, сумасшедший, неправильный, но един-

ственный достойный. Никогда не связываться с нормальными. Замолкнув, я рассматриваю мимо проезжающие машины, отмечая знакомые дома.

– Можно остановить здесь, – облизываю губы, сильней впивая ногти в кожаную обивку салона. – Благодарю.

Как только машина останавливается, лезу в сумочку и достаю сотню, просовывая в пустой отсек чистой пепельницы.

– Как это понимать? – мужчина хватает деньги и, смяв купюру, крутит ею перед моим носом.

– Оплата за беспокойство, – пожимаю плечами, дёргая на себя дверную ручку.

– Выглядит как подкуп, – усмехается он, открывает рот и проводит указательным и средним пальцами по короткой щетине. – Напишите свой номер телефона, и я прощу вам беспокойство в любом его исполнении. – Он вытаскивает из бардачка блокнот, слегка касаясь моих голых коленей.

– Для чего он вам? – он вызывает во мне смущение и улыбку, внутри будто что-то возрождается и рвётся наружу.

– Хочу пригласить вас на ланч, ненавижу есть в одиночестве, – протягивает мне ручку, заглядывая в глаза. – Вы же не откажете в помощи человеку, нуждающемуся в ней?

Не знаю почему, но меня задевает его объяснение, и, даже если из меня плохой собеседник во время еды, мне непременно хотелось бы сделать ему приятное. Каллиграфическим почерком вывожу цифры и протягиваю.

– Хорошо провести время, Лея.

Я выхожу из машины, захлопывая за собой дверь, передвигаюсь немного вперёд и оглядываюсь, чтобы с удовольствием заметить, как он всё ещё стоит и смотрит мне вслед. Отворачиваюсь улыбаясь. Странная реакция на мужчину, не присущая мне. Я в смятении и растерянности, мне приятно, что могу нравиться такому человеку, как он.

Но радость быстро улетучивается, когда на меня обрушивается реальность. Из квартиры никто не выходит. Вот она моя реальность жизни. Без труда проникаю внутрь, в помещении пахнет сигаретным дымом, воздух спёртый и тяжёлый. Делаю несколько шагов по направлению к гостиной и останавливаюсь в дверях.

– Лея, – его стеклянный взгляд застывает на мне, он трёт глаза, будто не верит, кто стоит перед ним.

– Ты снова пил! – отмахиваюсь я, только слова застревают в моём горле, когда он хватает меня за заднюю часть шеи и разворачивает лицом к себе.

Выворачиваюсь, но Юджин выглядит невменяемым, его глаза становятся огромными, на скулах ходят желваки. Он снова надвигается на меня и снова хватает, только теперь его хватка на моей шее усиливается, стоит мне посмотреть в окно и увидеть мужчину, не желающего уезжать.

– Хватит меня пугать! Я сейчас уеду! – смотрю ему в глаза.

– Уеду?! – говорит каким-то загробным голосом. – Что ты несёшь, чёрт возьми! Я ждал тебя! Ждал, когда вернёшься, и ни одна сволочь не сказала мне, что с тобой! Месяцы ожи-

дания, Лея! Я даже не знал, живая ты или мёртвая! Месяцы я топил себя в этом дерьме и ты снова собралась бежать? – орёт он, хватает меня за скулы и припечатывает к стене.

– Так старался, что до сих пор не просох! – впиваюсь длинными ногтями в его руки, всё ещё держащие меня за скулы.

– Да, я лжец! И готов простить твой поступок, то, как ты меня обманула, – он приближает ко мне лицо и ослабляет хватку. – Детка, я так скучал по тебе. Очень скучал!

В его голосе таится такая вселенская тоска и искренность, или это я хочу быть необходимой для кого-то. Но как только горячие губы накрывают мой рот, я со стоном закидываю голову назад, подставляя себя настойчивым поцелуям, охотно отвечаю, жадно хватая его воздух, тот, что мы делим сейчас на двоих. Юджин наваливается на меня, всем телом прижимая к стене, я больно ударяюсь головой, подставляя шею для лёгких укусов. Наше тяжёлое дыхание, его рука на моём бедре, задирающая ткань юбки. Пальцы с точностью находят сосредоточение возбуждения, и, стоит им коснуться, в двери нетерпеливо стучат, мы оба замираем. Что он сказал перед этим?

– Ты кого-то ждёшь? – поправляю юбку и отталкиваюсь от стены.

Мужчина поправляет свои спутанные обесцвеченные волосы, моргает, зацепив зубами нижнюю губу. Взглядом пробегаюсь по хаотично разбросанным вещам. Наполненным

окурками пепельницам, нескольким коробкам с пиццей и пустым стаканчикам, валяющимся на полу.

– Да вроде нет, – нервно хмурится, мельком смотрит на меня, затем снова на дверь.

– Я сама открою, приведи здесь всё в порядок. Я так и думала, что ты здесь развлекаешься, – обхожу его, замечая, что надо бы проветрить, в комнате воняет всяким непотребным дерьмом, не удивлюсь, если без меня он снова приглашал свою компанию раздолбаев.

– Не говори так! Не смей меня винить в том, что тебя здесь не было! – Юджин хватает меня за челюсть и больно сжимает. – Или решила поиграть с моими чувствами? – кожа под его пальцами начинает гореть. – Мне пофиг, кто там, задержи их. Он срывается с места, перепрыгивает диван и быстро сметает что-то со стола и мечется по комнате, не зная, куда спрятать.

Чёрт, он свихнулся! И всё из-за травки… Провожу пальцами по подбородку, боль – это всего лишь показатель того, что я живая. Физическая она куда приятней душевной, а учитывая наши отношения – мне не привыкать. Марихуана неотъемлемая часть наших отношений. Он говорит, что она ему необходима для творчества, а по мне эта штука не расслабляет, а дурманит мозг, зачастую подставляя. Верчусь в поисках зеркала и, только когда наступаю на собственную шляпу, слетевшую во время поцелуя с головы, понимаю, что здесь нет такой роскоши. Подхожу к двери и дёргаю на себя,

столкнувшись нос к носу с мужчиной, подвёзшим меня от дома. Проталкиваюсь к нему вплотную, захлопываю за собой дверь и хватаю его под руку, отводя дальше от дома.

– Что тебе нужно? – резкие слова будто ударяются о его совершенно непроницаемое лицо и рикошетят назад, ответом мне служит недоуменный взгляд, переходящий от рукава его тёплой вязаной кофты к моей руке и глазам.

– Не совсем понял, что за реакция у вас, милая девушка. И как мы так быстро перешли на ты?! Хотя я не против, – он хмурится и протягивает мне мои деньги, разглаживая их между большим и указательным пальцем. – Подумал, что не хочу, чтобы ты платила мне деньги за дорогу, решил вернуть.

Я стою вплотную к нему, морщусь, когда он немного наклоняется и нюхает воздух рядом со мной. Я воняю всем тем дерьмом, чем захламлена квартира Юджина. Особенно в нос бьёт горький запах марихуаны и перегар дешёвого джина, оставшийся на моих губах.

– У вас там притон, – он говорит это так легко, с долей отвращения. – На днях вышел законопроект, подтверждённый в трёх слушаниях…

– Это не твоё собачье дело, – вздёргиваю подбородок, приближаясь к его лицу практически вплотную. – Кто ты такой? – чёрт, я чувствую, как в моих висках стучит кровь, как снова глаза затягивает чернота и моя готовность убить – равна ста процентам. – Иди куда шёл и…

– Тише, колючка. Твои глаза, тебе требуется помощь? –

он упирается руками в колени так, чтобы стоять на уровне моих глаз. – В следующий раз пиши правильный номер телефона, не придётся встречаться со мной, когда не желаешь этого. Тогда по крайней мере я не увижу то, что не должен. А этому уроду, если он ещё раз прикоснётся к тебе, я вырву его руки. И это будет только начало. – Заталкивает деньги за пояс моей юбки и перепрыгивает соседский забор, оставляя меня стоять остолбеневшей. Он появился из ниоткуда и так же исчез, будто его здесь и не было.

– И где наш гость? – за моей спиной появляется Юджин, громкий щелчок складного ножа, и я дёргаюсь, прикрывая глаза от неожиданности.

– Ошиблись, – отвечаю бесцветным голосом, моё тело начинает расслабляться, медленно опускаются напряжённые плечи, колени становятся ватными, ощущение давления резко сменяется усталостью.

– Вот я дебил! – он начинает дико смеяться, ероша свои светлые волосы, превращённые в грязную солому, и обнимает меня за плечи, пряча нож в широких карманах шорт-бермудов.

– Отличное оправдание своего поступка, хотя это не новость для меня, – едко отвечаю ему, скидывая руки и двигаясь мимо двери. – Поеду домой, сегодня я не в настроении испытывать на себе твой сложный характер. Мне нужна машина.

– Детка, ты шутишь, что ли? – он обхватывает меня попе-

рёк живота и без труда затаскивает в дом, закрыв собой двери, прижимается к ним спиной. – Ты не помнишь, да? Обожаю твою выборочную память и родителей, готовых угодить любимой доченьке. Замяли так, словно ничего не было.

Вытаскиваю из сумочки телефон и нажимаю на знакомые цифры такси, отходя на приличное расстояние от Юджина. Он перебрал и накурился, а значит, все его слова не стоят выеденного яйца. Расхаживаю по комнате, нетерпеливо постукивая ногтями по сенсору. В воздухе повисает крошечный завиток, к потолку поднимается серый дым от вытянутой самокрутки, подожжённой блондином.

– Ты же должна помнить, когда решила уехать из клубешника, что произошло… Нет? – он тянет слова, медленно оседая на пол, плотней прижимая собой двери, сдувает с лица сальные волосы и вытягивает губы трубкой, выдувая очередной сгусток серого дыма в мою сторону.

– Мы поругались с тобой, я села в свою машину и отправилась домой, – нажимаю на отбой и набираю снова, значит, все эти вспышки из воспоминаний вполне могут быть правдой.

Мой телефон никак не реагировал, какой бы номер такси я ни набирала, обычные длинные гудки и никакого ответа. Что за ерунда?!

– Я попала в аварию? – нащупываю на голове затянувшуюся рану, она немного саднит.

– Угу, – он следит за тлеющим кончиком сигареты, окра-

шенным в ярко-оранжевый огонёк, – авария, нет, мелко взяла. Это автомобильная катастрофа, – он прищуривает глаза. – Невинные души отправились бы в ад или рай, а ты даже не знала об этом. Или решила стереть всё из памяти? Согласен, так удобнее.

Сажусь на край выступа стола, не позаботившись отодвинуть барахло, лежащее на нём. Я не могу понять, о чём он говорит, вспоминая недавний спор моих родителей, всё становится запутанным и неизвестным.

Под его непрерывным взглядом нащупываю деньги, которые мне вернул этот Уайлд, разворачиваю купюру. Играю ею, как с обычной бумагой, складывая в квадраты и прямоугольники, сворачивая в рулон и разворачивая. Я заметно нервничаю, мои поджилки трясутся, но мне недостаточно сказанного. Юджин не торопится, он привстаёт, освобождая мне выход. Потушив сигарету, он плюёт в пепельницу, отодвигая её от себя, обхватывает колени, положив на них свой старый подбородок, его взгляд становится пустым и отрешённым.

– Всё настолько серьёзно? – подхожу к нему ближе.

Комнату наполняет какой-то жуткий смех, будто миллион осколков, разлетающихся в разные стороны, впиваются в меня. Хватаюсь за дверь, пытаясь вспомнить тот последний день. Кажется, помогать он мне не собирается. Беру вещи, надеваю шляпку и очки, только не успеваю убраться, слова настигают меня и повергают в шок.

– Иногда ты превращаешься в чудовище и всех затягива-

ешь в свою черноту, – он поднимается, тушит самокрутку и подходит ко мне ближе. – У нас оплата аренды на днях. Ты вроде как говорила, что будешь вносить свою половину, но четыре месяца ни тебя, ни денег. Не принимай так, будто хочу содрать с тебя деньги, но форс-мажор, сама понимаешь. Заказов нет вообще.

Я не смею дышать, мне необходимо всё переварить, понять, что вообще он мне только что рассказал. Минуты перетекают в секунды, я слышу, как тикают часы, и всё моё существо сосредотачивается на отсчёте. Рядом маячит блондин, берёт из моих рук протянутые деньги. Он сам знает, сколько мы задолжали, и я не против, если он сейчас позаботится о нас. Как всегда.

Глава 3

Уже ближе к полуночи стены комнаты сотрясались от басов. Мне казалось, что ещё немного и потолок расплющит меня, размазав по несвежим простыням, но сегодня я не хотела умирать. Пить, есть, веселиться, любить, всё что угодно, необходимость продлить агонию – была практически осязаемой. Я хотела проверить, всё ли на местах в моей комнате, но, как и всегда, зациклившись на чём-то одном. Я зависла над часами, раскладывая всё по местам. Моя комната выглядела точно так же, как и остальная часть дома, провонявшая сигаретами и выпивкой, постельное бельё даже если и менялось, то очень плохо выстирано. Может, я несколько преувеличиваю, только вот не могу себя остановить и прекратить копошиться. Когда последняя подушка падает на покрывало, я обвожу взглядом комнату, довольная процессом. Сортировка, упорядочение и расставленное всё по местам, до миллиметра. Тянусь к крошечной статуэтке, привезённой из Греции, поправляю её, наконец, протирая руки влажной тряпкой, комкаю её, окуная в мутную воду.

Я не знаю, сколько времени потратила на уборку, сколько мне ещё потребуется для оставшейся части дома, но теперь, когда здесь так вкусно пахнет эфирными маслами из диффузоров, мир вокруг заметно меняется. К сожалению, музыка играет ещё громче, и, обернувшись на дверь, последнее, о

чём я хочу думать, это о людях, находящихся за ней. Ещё раз обведя взглядом блестящие поверхности и полочки, беру в руки ёмкость с водой и иду к веселящимся друзьям моего парня.

Первое, за что хочется вцепиться находящимся здесь людям в горло, так это за грязную обувь на столике из слоновой кости, подарок друга моего отца. Мне он стоил очень дорого, чтобы чья-то наглость пересекла все границы. Я не ханжа и не моралист, просто сегодня такое настроение: пройти мимо, скривив лицо, и закрыться в ванной комнате, выливая в покрытую пятнами раковину – чёрную жидкость. Никаких претензий, скандалов. В моей крови всё ещё плещется такое количество транквилизаторов и успокоительных, что можно при любом сбое заказывать похоронную процессию и лимузин.

Размазывая грязные разводы губкой, я снова вытираю раковину, используя чистящее средство, с которым, как мне кажется, не расстанусь ещё некоторое время. Двери резко открываются, и на меня наваливается парочка целующихся людей, сплетённых точно две змеи, готовящиеся к спариванию.

– Эй, осторожней, – отталкиваю их от себя, протискиваясь к выходу, крепкая рука тут же обхватывает мою кисть и сжимает достаточно сильно, чтобы оставить следы.

Мужчина отрывается от своей партнёрши, нависая надо мной, его рассеянный взгляд останавливается на моих чёрных перчатках, раздражённо он отодвигает от себя девушку

и смотрит в её лицо, будто впервые видит.

– Долбанные укурки, – толкаю его в плечо, протискиваясь в дверной проём, оставив все моющие средства в раковине.

Я не оглядываюсь только потому, что они все невменяемые, для них это нормальный день. Я по большому счёту не осуждаю их за желание поднять себе настроение, в конце концов марихуана давно легализована во многих штатах, кроме нашего. Но это не является преступлением. Остановившись в дверях гостиной, я возмущаюсь от масштаба свинства и неадекватного поведения. Одни стряхивают пепел прямо на дорогущий ковёр, другие забились в уголке и с содроганием наблюдают за остальными. Я видела подобное и не раз, это, скорее всего, второй приход, когда обычно на тебя нападает страх, он проникает внутрь своими чёрными щупальцами и держит в напряжении, пока все галлюцинации не «выветриваются» вместе с действием травки.

Оглушительно брякает по левую сторону от меня, Юджин зажимает между зубов медиатор, натягивает струны на своей любимой розовой электрогитаре в предэкстазном состоянии. Розовая гитара, розовые вещи в его гардеробе, блондинистые волосы – это всего лишь его стиль, он не является геем или трансгендером, просто парень хочет словить хайп, я думаю, у него всё впереди. Толпа его почитателей уже сгущается вокруг него, вопрос времени, когда он взойдёт на пик своей популярности. Он смотрит на меня, замечая, как я наблюдаю за ним. Сосульки волос, голубые глаза и этот огонёк

в них, бунтарство и желание сделать что-то из ряда вон выходящее. Он выбрал не то время для своих выкрутасов, мой фитиль уже подожжён.

– Вот она, моя девочка! – орёт он через весь зал, вытаскивает медиатор изо рта и поднимает вверх бутылку с пивом, – она вернулась ко мне. И я, чёрт возьми, обещаю, что больше никогда её не потеряю!

Вокруг взрываются голоса, все бьются стеклом, выпивая за нас, пока я медленно стягиваю перчатки и кидаю в заполненное до предела ведро. Насколько он искренний в своих словах?

– Лея, иди ко мне, – он протягивает руку, и толпа расступается, пропуская меня.

Чувствую себя невестой, идущей к своему наречённому по проходу, состоящему из неудачников и не контролирующих себя людей в не совсем адекватном состоянии, а он для них чуть ли не мессия. Как только я становлюсь рядом с Юджином, он тут же кладёт свою руку мне на плечи, сжимая шею и целуя в макушку. Истинно мужское поведение, будто надел хомут и давит на плечи и без того хрупкого тела.

– Эта девушка изменила мою чёртову жизнь, исцелила душу и спасла никчёмную задницу, – он убирает бутылку, хватает косяк у кого-то из своих друзей и затягивается так, что из его ноздрей выходит дым. – Ты как эта дурь. Сводишь с ума, и я не хочу больше проходить это. Так что, ребятки, надеюсь, вы станете свидетелями грандиозного события, – он

опускается на одно колено, перекинув свою розовую гитару за спину. – И я могу биться лбом об стену и расколоть себе череп, но вытащить тебя из своих мыслей – никогда не смогу.

Люди начинают орать так, что мои уши готовы закровоточить, сердце замирает лишь на мгновение. Любая другая должна броситься на шею, дрожащими пальцами касаться его лица, принимать кольцо со слезами на глазах, и я очень сожалею, что у меня нет трепета и этих эмоций. Оглядываюсь на собравшихся, затем назад на Юджина, уголок моих губ тянется в улыбке, парень, всё ещё стоящий на колене, скрывает своё разочарование, когда я сжимаю ладонь в кулак, меняя решение на ходу.

– Я справлюсь со всем, что тебя душит. Поверь мне, – он силой раскрывает безымянный палец и надевает кольцо с маленьким розовым камнем.

– Юджин, ты выбрал не то место и время… – рассматриваю ювелирное изделие, приятно касающееся кожи и сжимающее палец. – Сколько отдал за него?

Какого хрена меня интересует сумма? Мне сделали предложение! Чёрт вас всех дери! Долбанное предложение от самого горячего парня. Моё лицо старается избавиться от маски безразличия, улыбка, пусть и неестественная, но появляется на моих губах.

– Пришлось тебе соврать, у меня не было долгов. Оно технически куплено с твоей доли, но дай мне пару дней, и я отдам их тебе назад, – парень становится во весь свой рост, на-

клоняется надо мной и обнимает, прижавшись своей щекой к моей. – Ты мне ответишь? Хочу, чтобы все знали, что ты моя невеста. – Он слегка касается моих губ и громко провозглашает всем собравшимся:

– Думал, никогда не доживу до того времени, как сделаю предложение своей девушке! А если ещё учитывать, что она у меня настоящая принцесса, так я сорвал куш и теперь самый счастливый засранец на свете, – толпа ревёт, Юджин хватает меня на руки, я тут же цепляюсь, обвивая его шею. – Скажи, да?

Столпившиеся вокруг нас люди начинают напирать, музыка и громыхание басов делают что-то странное со мной. Тело начинает дрожать, меня пугает то, как реагируют люди. Отталкиваю Юджина от себя, но он прижимает меня ещё крепче. Изгибаюсь, вырываю у первого попавшегося пустую бутылку пива за горлышко и нечаянно бью по голове какого-то парня. Толстое стекло задевает его краем, Юджин пытается закрыть меня собой от взревевшей толпы, но, не удержав равновесия, роняет на пол. Люди не собираются расступаться, я практически погребена под ногами, то и дело наступающими на мои пальцы и пинающими мои бока. Маленький просвет, звуки голосов, и меня выдёргивают из толпы прямо за ткань безразмерной футболки.

– Ты в порядке? – мой теперь уже жених обеспокоен произошедшим. – Прикрути музыку и заткнитесь все! – рявкает он в сторону своих друзей и ещё ниже наклоняется надо

мной. – Я могу отправить всех по домам.

Поджимаю колени, обнимаю их ногами и утыкаюсь в них лицом. Кажется, зря я не послушалась дворецкого, мне необходимо встретиться с врачом, принять что-то и не уйти в минус. Иначе я точно стану жертвой своих же выдумок.

Отталкиваюсь от стены, одёргиваю ткань футболки и поднимаюсь. Юджин морщится, запускает трясущиеся пальцы в светлую шевелюру и ерошит их. Я стараюсь выдавить из себя хоть слово, только не могу. Он плетётся за мной до самой комнаты, туда, где теперь всё блестит от чистоты и мои выстиранные вещи висят на вешалке, совсем как в моей комнате. Скидываю с себя ткань и натягиваю блузку, застёгиваю каждую крошечную пуговичку, не замечая, насколько сильно погружаюсь в себя. Мой желудок упрямо бурчит, напоминая себе, что переедать не стоит, вполне возможно, что я уже ела, но не помню об этом. Странно то, что блондин молчит, он садится на край кровати, вытягивает перед собой длинные ноги, облокачивается на локти.

– Останься, – в его голосе чувствуется отчаяние, – я не подумал, что тебе может стать хуже от моего предложения. Вечеринка в честь тебя.

– Будет лучше, если я закончу пару моментов, – начинаю путаться в ткани и никак не могу застегнуть пуговичку на запястье.

– Это же не проблема? Мы ляжем спать, я выгоню всех, – он собирается встать, но я останавливаю его взглядом через

зеркало, напротив которого всё ещё стою.

– Мне нужна медицинская помощь, а не твои переживания. Сейчас не время начинать разговор, – я чувствую, как пелена начинает застилать глаза, за дверью кто-то громко стонет, и меня начинает тошнить. Сглатываю спазм, оставляю всё как есть, натягиваю юбку и делаю несколько шагов по направлению к двери.

– Лея, – он вытягивает руку и преграждает мне путь, прижав рывком к своей груди. – Я с тобой ещё не закончил.

От него воняет сигаретами и старыми носками, потными телами, которые сейчас трутся друг о друга в нашей гостиной. Сжимающее меня кольцо рук на талии портит всё ещё больше.

– Не трогай меня, – мне не удаётся вырваться, как бы я ни старалась. Парень кидает меня на кровать и накрывает своим телом. Руки тут же начинают шарить под моей одеждой, горячие губы касаются голых участков шеи. Меня сейчас вывернет от него, от его губ и рук.

– Хватит дёргаться, Лея, – рявкает он на меня. – Скажи, что не так? Чего ты, мать твою, хочешь?

– Отпусти, я уйду, – я приподнимаюсь, но он придавливает меня рукой, больно сжимая на моём горле рубашку, резко дёргает на себя. – Юджин, осторожней, – всё моё естество взбунтовалось. Я с трудом сдерживаю себя от порывов, все мои желания свелись лишь к тому, чтобы сбежать из этого места, спрятаться в какой-нибудь конуре и побыть одной.

– Мне проще удушить тебя, но оставить при себе. Ты издеваешься надо мной. Приходишь, пьёшь мою кровь, как долбаная вампирша, питаешься, выводя меня на отрицательные эмоции, – стоит мне сильней вывернуться, он перетягивает ткань так, что у меня вздуваются вены на шее, воздуха становится всё меньше. – Давай борись, дерись со мной, отбивайся. Хватит строить из себя жертву, недотрогу, тихоню. Твои чёрные глаза больше не пугают меня!

– Руки… – хриплю, перехватывая его кисть, впиваюсь в его обгрызанные под ноль ногти, когда я начинаю дёргать ногами и пинать его, он просто удобнее устраивается, не придавая значения моему трепыханию.

– Я думаю уже убить тебя на хрен. Но знаешь, мне будет ужасно скучно существовать без твоей придурковатости и этих припадков, – он заглядывает мне в глаза.

Тело дёргается в конвульсиях, меня всю трясёт из-за недостатка кислорода, и единственный свидетель моего позора – спокойно наблюдает. В ушах булькает, всё, что сейчас происходит на фоне, не имеет значения. Звук соприкосновения зубов по дереву, наверняка снова карандаш в моём рту. Что-то тёплое течёт по моим губам, а сердце пытается замедлиться, колотясь о мои ребра и причиняя боль.

– Все, кто в доме, пусть исчезнут, у вас есть несколько минут, – голос Юджина прорывается сквозь туман и мой скулёж, судорога стягивает ноги, я начинаю громко выть от мышечной боли. – Двери, придержи их, – говорит он кому-то,

я чувствую, как меня поднимают на руки.

Моё сознание постепенно очищается, это похоже на то, как небо затягивают чёрные тучи, а когда проходит гроза – всё становится ясным, будто ничего не произошло. Я думала о случившемся, но пока не могла говорить, мышцы всё ещё крепко держали дерево в моих зубах, а вода, заполняющая ванну, постепенно расслабляла.

Несколько лет назад именно эпилептический припадок помог поставить пусть и размытый, но довольно редкий диагноз – маниакально-депрессивный психоз. Сегодня каждый направо и налево сообщает о своей «биполярочке», именуя её так ради красного словца, понта. Я же при каждом приступе погружалась на самое дно, а выбравшись – не знала, что будет со мной на этот раз. Мой маятник раскачивает в разные стороны от повышенной эмоциональности с кучей энергии в плюсе, я могу резко выпасть в минус и бояться вообще двигаться или попросту не хотеть. Самое страшное, что чем больше плюс, тем больше минус. Я систематически попадала в больницу, где лечат людей с нервными расстройствами. Годами принимаю антидепрессанты, вот только в этот раз я решила, что пора ослушаться и быстро линять из дома. Видимо, зря. Поторопилась. И всё потому, что только я знала, что очень скоро выпадет минус, а потом уже я не захочу не то чтобы двигаться, есть или думать… Я даже не дам себе выбора, потому что не смогу.

– Лея, прости, – Юджин падает на колени рядом с запол-

ненной ванной, убирает влажные волосы с моего лица и вытаскивает с моего рта карандаш. – Мне так жаль, детка. Я не подумал, что на тебя повлияет толпа. Мы всё изменим.

Толпа? Я усмехаюсь. Он готов меня оправдывать даже за то, что я разбила об его голову бутылку? Медленно открываю и закрываю рот, шевелю пальцами и тянусь к его лицу. Щетина, её слишком мало на его лице, провожу по его коже пальцами и с удовольствием закрываю глаза. Я люблю его кожу, она такая прохладная, он целует каждую подушечку на моём пальце, прикусывает и сдавленно мурлычет.

– Я могу тебя оставить на пару минут, пока приложу лёд к голове этого идиота? – говорит он, я мгновенно распахиваю глаза, со страхом слежу за его передвижением. – Мгновение, ты даже не успеешь моргнуть.

Он исчезает за дверьми, тишину нарушает только звук капающего крана в наполненную водой ванну. Внимание привлекает блеск на моём пальце, сердце снова делает скачок и останавливается. Мне не нравится идея нашей женитьбы, всё тело будто бунтует против этого маленького колечка с розовым камушком. К горлу подступает тошнота, я переваливаюсь за бортик и высвобождаюсь прямо на пол. Замужество, чёрт меня дери! Кто-то хочет жениться на такой, как я? Чёртова насмешка!

– Я уже… ох, твою мать, – доносится отрывистый голос Юджина. – Когда ты успела столько съесть?

Устремляю взгляд туда же, куда и он, пока парень возится

с уборкой, я пытаюсь вспомнить, когда успела поесть кроме как завтрака с родителями. Этим можно накормить армию! Отворачиваюсь и погружаюсь наполовину лицом в воду, думаю только о том, что мне действительно необходимо вернуться к родителям и встретиться с врачом.

Глава 4

С каждым днём всё становилось более-менее понятней. У меня был жених, который желал, чтобы я как можно быстрей сообщила о нашей помолвке родителям. Делать этого я не собиралась по нескольким причинам, первая из них – я ещё сама не решила, что будет с нашими отношениями дальше. Люди живут годами в статусе жениха и невесты и разбегаются, не позволив чернилам высохнуть на пригласительных. Мне льстит, что такая ненормальная – как я, получила возможность, но вот воспользуюсь ли… одному Богу известно.

Поэтому, улучив момент, я слиняла из дома, забежала в знакомое кафе, чтобы насладиться игрой местного музыканта. Он бесподобно играл и пел современные песни на свой лад. С ним обычный чёрный кофе становился чем-то невероятным. Усевшись за ближайший к нему столик, я прихватила тарелочку с французским десертом с пикантным названием «фандан». Люди были фоном, их приглушённые разговоры не имели никакого значения, только голос музыканта, повторяющего популярный припев на французском. Он будто признавался в любви и боготворил инструмент, порхая пальцами по клавишам. Иногда он поворачивался к посетителям, и у меня начинался подкожный зуд, так хотелось поиграть на фортепьяно рядом с ним. «Фандан» утонул в моём желудке, вместе с изысканным кофе. Не скрывая своего

разочарования, с тоской смотрела, как мужчина закрывает крышку инструмента и покидает зал. Вот ради такого… стоит проснуться раньше, это не бренчание розовой гитары и не дикие напевы Юджина. Усмехаюсь, вспоминая, как он хочет доказать мне, насколько мы подходим друг другу, сегодня была странная причина, и она крылась в цвете моих волос.

Я встаю со своего места, оставляю чаевые, выхожу на улицу, прикрывая глаза от солнца. Нужен салон красоты, что-то приличное и не кричащее. Прижавшись к стороне идущих в моём направлении, задираю голову, читая броские названия магазинов. Наконец добираюсь до обычного местечка с ужасно нескромным названием «Богиня» в таком максимально небожественном районе. Толкаю дверь салона красоты. Это похоже на огромный кратер, в который блеванули золотом, всё настолько вычурно. Люди думают, что богатство в этом химическом элементе с атомным номером семьдесят девять… Безвкусие, одним словом.

– Вам чем-то помочь? – девушка выплыла ко мне практически беззвучно, и ей явно не хватало крыльев за спиной в таком одеянии.

– Могу ли я вам доверить свои волосы? – я тряхнула своей мочалкой длинных волос, состоящей из сплошных секущихся кончиков, протягивая при этом чёрную карточку. – Хочу косую чёлку, подровнять, оставляя длину до талии, окрасить корни, главное, кератин, блеск и никаких кудрей.

Мне нравится интерес в глазах людей при виде моей кар-

точки, все сразу начинают носиться как ужаленные. Приятно, чёрт возьми. Интересно, если я скажу им, чтобы они перекрасили стену, выполнят ли они эту просьбу? Видимо, увидев моё кривое лицо, девушка поспешила отвести меня на второй этаж, туда, где начиналась лоджия, заканчивался этот уродский золотой зал. Я расслабилась в предложенном мне кресле, достала телефон, посмотрела пропущенные сообщения от родителей и в который раз попыталась дозвониться хоть до кого-нибудь. Без вариантов, длинные гудки и больше ничего. Придётся расслабиться и получать удовольствие.

Закрыв глаза, я была где-то очень далеко, массаж головы, затем все эти манипуляции с моими волосами и вуаля. Смотреть на себя стало намного приятней, чем прежде, мои подведённые глаза, ресницы, накрашенные в несколько слоёв чёрной туши. Я себе нравилась, и, видимо, не себе одной.

– Вам очень идёт, – парикмахер удалился, а я всё ещё не могла поверить, насколько экзотично смотрюсь в новом образе.

– Благодарю, – я забрала из его рук свою карточку и вышла на улицу довольная собой.

Моя одежда абсолютно гармонировала с моим душевным состоянием. Укороченный топ, едва прикрывающий грудь. И джинсы с высокой талией, подвёрнутые снизу, тяжёлые ботинки. Сегодня обещали дождь, а мне не хотелось шлёпать по лужам в туфлях. Конечно, ко всему не подготовишься,

как и к ярким вспышкам направленных на меня камер. От улыбки не осталось и следа, я нахмурилась и стремительно двинулась к первой же открывшейся двери. Набирая на телефоне номер такси, раздражённо свела брови, выглядывая этих жадных до новостей шакалов. Это же спокойный район, с чего им здесь ошиваться.

– Чёрт! Извините, – оборачиваюсь, неловко толкаю человека, стоящего слишком близко к выходу.

– Не извиню, – отвечает он и поворачивается ко мне. – Ты так и не позвонила.

Обхожу Уэйна, стоящего прямо напротив стойки с виниловыми пластинками, он крутит одну из них в руках.

– Луи Армстронг? Интересный выбор, – говорю ему, отходя всё дальше от стеклянных дверей, где меня уже ожидают журналисты.

– Он король, – указывает на мою причёску. – Мне нравится, ты такая аппетитная.

Удивлённо приподнимаю брови и округляю глаза.

– О боже, какая бестактность?! – наигранно восклицаю я, схватившись за голову обеими руками. – Мне и самой нравится, – честно признаюсь ему.

Он будто специально отвлекает меня от людей, столпившихся как чёртовы зомби, ожидающие меня. Уайлд становится прямо напротив меня, касается моих волос, я замираю. Его ладонь ощущается так правильно, естественно. Мне кажутся такими знакомыми его прикосновения.

– От кого ты прячешься, колючка? Открой глаза и смотри только на меня. Оставь все свои страхи, я обещаю, что помогу тебе, – его голос убаюкивает меня, хватаюсь за его протянутую руку смертельной хваткой. Я даже не заметила, когда успела закрыть глаза, но его просьба не прошла мимо моего внимания, он тянул меня за собой. Водил по коридорам и, наконец, вывел на улицу, оставляя всего на несколько минут ждать, пока подгонит машину. Усевшись в знакомый салон, я почувствовала себя такой защищённой и одновременно счастливой.

– Как ты это делаешь? – я поворачиваюсь к нему полностью, ловлю его улыбку, посылая ответную.

– Делаю что? – в его голосе мелькает сексуальная хрипотца, и я чуть ли не рассыпаюсь, стоит ему потянуться через сидение, чтобы пристегнуть меня. Я чувствую тепло его тела, приятный парфюм и что-то ещё, смутно напоминающее… чистоту, что ли? – Что ты хотела сказать? Я делаю что?

– Как у тебя получается оказаться в нужном месте вовремя и как тебе удаётся вызвать во мне эту эмоцию? – смущенно поправляю прическу, какая я глупая. Зачем рассказывать об эмоциях?

– Сам задаюсь тем же вопросом. Но я много думаю о тебе, о том, что хочу тебе помочь. Я чувствую, что нужен тебе. Но как плохой ключник никак не могу подобрать подходящий замок, – он говорит загадками, тёплая ладонь обхватывает мою, мужчина переплетает наши пальцы.

– Нет неоткрывающихся замков, есть только неверно подобранные ключи, – мне становится не по себе, он касается кольца на моём безымянном пальце, и я убираю руку.

– *«Полет души»* – сентенции Фэн Цзицая? Мне очень понравился этот сборник, китайская мудрость бесценна, – он задумчиво смотрит на дорогу, затем коротко бросает на меня взгляд. – Значит, мне удастся найти к тебе подход?

Я прикусываю нижнюю губу, сдерживая себя от этих странных эмоций, рвущихся наружу, бабочек, поселившихся внизу живота. Впервые я чувствую себя загадочной и желанной, со мной ещё ни один мужчина так мило не заигрывал. Больше не в силах сдерживать себя я улыбаюсь самой искренней и счастливой улыбкой совершенно незнакомому мне человеку. Он хочет найти ко мне подход?

– У тебя есть все шансы. Всё будет зависеть от твоего желания. Мне кажется я во сне, – собираюсь больно ущипнуть себя, но он резко сворачивает, и меня кидает на него. Машина останавливается, наши губы практически соединяются, лицо обдаёт горячим дыханием. Мужчина берёт моё лицо в свои руки и заглядывает в глаза.

– Больше всего на свете хочу! И это не просто желание, не ребячество! Это необходимость. Я хочу, чтобы ты очнулась от сна, – тёплые губы застывают напротив моих, будто передумав, он целует меня в лоб, и я слышу стук собственного сердца, споткнувшегося и замершего на миг. – Скажи, что мы увидимся?

Я уже собираюсь ему ответить, но кто-то настойчиво стучит в стекло с моей стороны. Двери открываются, кто-то отстёгивает меня и тянет за руку прямо по дорожке, ведущей ко мне домой.

Что же такое со мной происходит? Почему я чувствую эту пустоту, будто хочу заплакать или кинуться следом за машиной и ответить? Наши встречи словно ранят меня, и я начинаю чувствовать. Я фокусируюсь на душевной боли, она настолько реальна… Реальней, чем этот дом и люди, кажущиеся серой массой. Я как яркое пятно, живущее в собственном нереальном мире. Именно Уэйн вызывает во мне эти эмоции, играет с моими рецепторами, проверяя их на чувствительность и реакцию. Будто иглой протыкает моё сердце и отравляет его.

Я оглядываюсь на то место, где только что стояла его машина, затем на службу охраны, оцепившую выход с территории нашего дома, и, наконец, на дворецкого, всё ещё держащего меня за руку и ведущего к дому. Перед дверьми стоят мои родители, мама привычно заламывает руки, а папа что-то громко объясняет по телефону. Судя по всему, они ждут только меня, иначе почему так одеты.

– О Господи, спасибо, ты пришла домой. Отец поднял на уши всю службу охраны, чтобы они нашли тебя, – мама толкает меня в дом, отдаёт быстрые приказы горничным и стремительно тащит в мою комнату. – Док уже ждёт нас, – коротко объясняет.

– Ты хочешь вот так сразу поехать в клинику? – я даже не успеваю нормально сформулировать предложение, мама уже постаралась содрать с меня топ и тут же одевает через голову платье. – Я сама могу.

– Можешь, только вот времени нет, – она продолжает помогать мне переодеваться в заданном только ей темпе.

– Его никогда нет. Время, как суровый судья, не даёт никому поблажку, – просовываю ноги в лодочки на тонкой шпильке, мама поднимает, странно всхлипывает и прижимает меня к себе. Я обнимаю её, вспоминая, как остановилось время моего брата, как потеряла его часы на том месте. Хотелось бы остановить миг, вернуться назад и приказать себе не ходить на то место. Ведь тогда и мой брат был бы жив. Я была бы жива…

– Давай поторопимся, надо убедиться, что всё будет хорошо, что есть шансы, – мама гладит меня по голове, я двигаюсь вместе с ней вниз по лестнице.

Папа уже ждёт нас в машине, водитель придерживает дверь, и, усевшись в салон, как только двигается машина, я выглядываю Уэйна, и это так странно. У меня есть не просто парень, а жених, который ещё недавно отвечал всем моим запросам. А сейчас я не могу выкинуть из головы мужчину, который даже не представляет, насколько сильно я испорчу его жизнь. Он будет до конца своих дней сожалеть, что однажды решил помочь девушке с биполярным расстройством личности. Я сведу его с ума, сделаю таким же, как я сама. За-

ставлю жить в вечном страхе и ожидании, когда же, наконец, я покончу со всем этим дерьмом. Я не могу больше позволить себе видеться с ним. Надо спрятать, ведь эти странные огоньки, то и дело вспыхивающие внутри меня. Кажется, я поняла, что это. Надежда… Надежда на то, что рядом с ним я стану нормальной! Исцелюсь и смогу жить как все… Господи, что я несу! Телефон оживает в моей сумочке, я достаю его и перестаю дышать. Сообщение от того самого незнакомого номера, который я так и не решилась подписать.

«Ты так и не ответила… Твоё молчание тоже является ответом. Ведь ты не сказала, нет!!!»

Мама что-то говорит отцу, я смахиваю с экрана сообщение, но потом решаю, что мне необходимо ответить. Трижды набираю текст и удаляю, что я могу ему сказать? Ещё больше меня поражает то, что связи снова нет, стучу ногтем по экрану, мои сообщения возвращаются без возможности отправки. Хмыкаю, отстранённо оглядываюсь по сторонам, улицы кажутся незнакомыми.

– Кажется, мне надо купить телефон, – задумчиво произношу я.

– Для этого не обязательно ходить за ним, – ворчит мама, её всё ещё привлекают мои волосы. – Странный способ заявить о себе. Этот цвет смоется?

– Надеюсь, нет, иначе зачем я преображалась, – снова до-

стаю телефон, отрешённо строчу сообщение: *«Нам не надо больше встречаться»*. Я точно не буду искать с ним общения.

Глава 5

Клиника находилась за городом, поэтому у меня было слишком много времени для самокопания, мыслей и беседы, как ни странно, но далеко не с Юджином… нет, это был Уайлд.

Сначала я пыталась уснуть, только сон никак не шёл, а желание заглянуть в сошедший с ума телефон, присылающий каждые несколько минут сообщения, стало паранойей. Я просто пыталась понять, почему мне не пишет Юджин? Возможно ли, что он сейчас занят или всё ещё дуется? Но интересней для меня, зачем я отвечаю наглому незнакомцу?

Только вот сообщения от Уэйна сыпались одно за другим, он будто читал мои мысли и отвечал на них. Может, я уже поймала этот момент с накручиванием и притягиванием ситуации за уши. Просто посудить со стороны – это же разговор двух людей, знающих друг друга вечность, а никак не знакомых, увидевшихся несколько раз. Перечитывая наш разговор, я не выдерживаю и решаюсь прервать его вполне удачные попытки развеселить меня.

«Зачем ты мне пишешь?»

«Мне нравится говорить с тобой. Нравится думать, что я рядом с тобой и ты не нервничаешь. По-твоему, это преступление?»

Я было открыла рот и мельком взглянула на маму, задумчиво слушающую отца. Она поворачивается, дарит мне улыбку и снова сосредотачивается на папе. Интересно, заметила ли она, как я быстро прижала к груди телефон, чтобы никто не увидел мою переписку. Так глупо, но мне сейчас хочется сохранить этот лёгкий флирт между нами.

«Преступление, что мне начинает нравиться говорить с тобой. Я еду в психушку, если ты не забыл…»

«Могу приехать и поторчать с тобой в коридоре, если надо позвенеть кандалами. Они ведь могут поселить нас с тобой в одну комнату, будем до безобразия буйными пациентами».

«Нас привяжут к кровати. Это не так романтично, как кажется».

Прыскаю от смеха, когда он присылает гифку с испуганным лицом.

«Я заставлю их привязать нас друг к другу. Не вижу проблем».

– Лея? – мама аккуратно касается моего плеча, – мы приехали, дорогая.

Я оглядываюсь по сторонам, ещё пару минут назад вокруг

нас был густой лес, как мы так быстро преодолели расстояние? Резкая боль в сердце, я прикладываю к груди ладонь и удерживаю её. Закрываю глаза и сижу не двигаясь некоторое время, в голове появляется странный шум, всё сменяется на свист, будто в моей черепной коробке поселилась стая дельфинов, которые общаются ультразвуком, щебетанием, пощёлкиванием, и в довершение всего их писк, доходящий по своей высоте до уровня ультразвука. Открываю глаза, всё вокруг наводит на меня дикий страх. Ворота, высокие кустарники, территория, отведённая для прогулок, и люди, передвигающиеся неестественно медленно, с ними рядом сопровождающие.

– Лея, деточка, – мама протягивает руку, вновь возникая в дверях. – Артур, помоги её вытащить, она не в себе. Посмотри на её огромные глаза!

Моё тело словно окоченело, ни одна косточка и мышца не хотели работать. *«Привязать друг к другу»* – проносится в голове последнее сообщение Уэйна, только тут я одна и его рядом нет.

Мама куда-то убегает, отец усаживается рядом со мной, мягко гладит ладонь, всё ещё прижатую к груди. Мой телефон выпадает из рук, папа берёт его, а я с ужасом смотрю, как он читает сообщения. Сначала он кажется растерянным, потом как ни в чём не бывало убирает его в мою сумочку, тянет на себя и вытаскивает из машины. Тут же около нас появляется медсестра, она помогает мне сесть в кресло, как

будто я инвалид.

Чёртов страх сковал тело, мгновенно я пошла в минус, настроение упало до минимума. Именно поэтому я хотела избавиться от Уайлда, выплеснув все свои гормоны на него, я потеряла весь свой запас энергии, которых мне хватило бы в отношениях с Юджином на месяцы. Когда меня привезли в клинику, я обратила внимание на таких же людей, как я, они опустошены. Биполярные люди – люди-батарейки. Мы очень быстро разряжаемся, очень часто впустую выпадаем из жизни.

Ступени, парапеты, коридоры и люди в белых халатах. Приветливые лица и знакомые ощущения, а ещё воспоминания, тут… они более насыщенные. Что-то очень знакомое и такое странно родное, дерева, апельсинового дерева, пачули и запах чистоты. Что же мне напоминает всё это?

– Доброе утро, я сейчас сделаю вам снимок. Потом вы получите рекомендации от вашего врача, – говорит молодая медсестра, указывая мне на камеру. – Нам стоит ввести успокоительное? – она спрашивает моих родителей, не меня.

– Да, пожалуйста. Общий наркоз, – отец гладит моё плечо. – У нас есть предписание. – Протягивает бумагу, и девушка, согласно кивнув, удаляется назад за ширму.

Я слышу, как она ломает стеклянное горлышко препарата, разрывает упаковку шприца, нажимает ногой на металлическое ведро и выкидывает мусор. Появляется передо мной, проводит спиртовой салфеткой по венам и вонзает иглу. Всё

плывёт перед глазами, тело расслабляется, и я, наконец, могу ощущать свои мышцы. Меня переносят на стол, чтобы сделать магнитно-резонансную томографию. Я не собираюсь бороться со сном, тем более когда передо мной возникает образ моего брата, одетого как в тот день на реке. Протягиваю ему руку и хватаюсь за него, боясь споткнуться. Я понимаю, что мы на самом деле не летим с ним по тоннелю, это всё наркоз. И все эти странные розовые волны всего лишь моё воображение. Только мне хорошо рядом с ним, спокойно. Нас покачивает на волнах, расслабляя. Я не знаю, сколько времени я нахожусь в этом состоянии, но для меня это буквально миг, потому что, проснувшись, я теперь лежу на кушетке в кабинете врача, которого даже не вижу. Попытавшись привстать, снова падаю на спину и сдаюсь, что уж послушаю и здесь. Приглушённый разговор и голос, отдалённо напоминающий Уайлда, только этот серьёзный и более грубый. У меня теперь все будут на него похожи, нельзя столько говорить с человеком.

– Я рекомендую прекратить приём препарата с содержанием лития, – твёрдо говорит врач.

– Но это невозможно, – тут же отвечает, начиная волноваться, отец, – она становится неуправляемой, иногда срывы приводят к травмам.

– Хочу вас уверить, я сопоставил данные о структуре её мозга. Участки гиппокампа уменьшаются при биполярном расстройстве. В вашем случае при приёме этих препаратов

вызывает периоды маний. Они работают по определённой схеме, сначала контролируют её настроение, только не распределяют жизненные ресурсы. Сегодня она смеётся в течение нескольких часов, завтра не сможет подняться с кровати… настолько будет вымотана. У людей, страдающих биполярным аффективным расстройством, мозг похож на «карту» поражаемых зон мозга. Мы многое знаем, но лечение практически всегда выбрано методом проб и ошибок. Литий не ваш случай, – объясняет врач. – Серое вещество, основной компонент центральной нервной системы человека, в нём содержатся клеточные тела нейронов. Самые сильные потери серого вещества наблюдаются в лобной и височной долях коры головного мозга – зонах, связанных в том числе с регуляцией функций мышления, речи и слуховым восприятием. Простым языком, Лее стало хуже.

– Но доктор Шмидт советовал… – моя мать замолкает, всхлипнув.

– Он ошибся, – огорчённо говорит доктор, – они все ошиблись. Лечение не должно вредить организму. Точно так же не надо экспериментировать, перетаскивая девушку из одной клиники в другую. Она провела здесь достаточно времени, чтобы я мог сделать вывод. Я предлагаю вам альтернативу. Это новая методика, и никто не исключает, что это плацебо. Она молодая, и столько времени прошло с того дня… – он замолкает, и я дёргаю занавеску, привлекая к себе внимание, но меня будто нет для них, не существую.

– Эй, ребятки, хватит говорить обо мне в третьем лице! Я не умираю, окей, мне стало страшно, но сейчас всё нормально, – громко говорю я, перебивая собравшуюся компанию. – Мам, помоги мне встать, – чувствую прилив сил и даже какой-то странной агрессии. – Ма!

Снова приподнимаюсь, но тело всё ещё не отошло от наркоза.

– Лея молодая, и если её организм до сих пор нормально функционирует, сердце продолжает работу, как и мозг, – у нас есть все шансы, – голос врача реально похож на Уэйна, я снова дёргаю шторку и успеваю заметить синий халат и кусок резиновой тапки, в котором обычно ходят врачи по больнице. Отлично. Я никогда не узнаю, кто там такой умный и невежественный. Будто я здесь никто и меня просто игнорируют.

– Это моя маленькая девочка, моя дочь, я всё отдам ради неё, – говорит папа, и у меня ускоряется сердцебиение. – Никакие ваши убеждения не заставят отменить препарат! Категорически нет! Дайте мне документы, доказывающие, что лечение доктора Шмидта не помогает. Если у вас нет никаких доказательств, катитесь в ад.

– Артур, – мама всхлипывает, – а если поможет?

– Даже думать об этом не хочу! Прекрати рыдать, Марика, она справится! У Шмидта такой опыт! – папе бы за демократов выступать с этим лозунгом, потрясающий тон, способный выдавить слезу у кого угодно. – Молодой человек,

займитесь своей работой!

Я поняла, что никто не собирается обращать на меня внимание, может, не слышат или мне кажется, что дверь близко к моей кушетке. Не знаю. Только вот взглянуть бы в лицо этого любителя пугать.

– Сегодня и завтра мы посмотрим, как поведёт себя контрастное вещество, и продолжим лечение. Доброго дня, – врач, кажется, уходит, и, сказать честно, я разочарована, взглянуть бы на него одним глазком, мало ли, может, он вызовет во мне симпатию.

Ожидание никогда не было моей сильной стороной, в данную минуту я всё так же лежу на кушетке и пялюсь в потолок. Мои родители, видимо, решили испытать судьбу и мои повёрнутые мозги, раз уж тянут время. Сначала появляется заплаканная мама, она останавливается надо мной и начинает причитать, гладя меня по голове.

– Мам, прекращай, я не умерла, – бубню я, желая всеми фибрами души откинуть её руку от своего лица, но долбаный наркоз снова сделал меня обессиленной.

– Лея, – она тяжело вздыхает и начинает гладить моё лицо.

– Мам, – шепчу я, – помоги мне встать, или я сделаю это сама, – и вот, будто, наконец, очнувшись, моя родительница, широко распахнув глаза, обнаруживает, что вот она я. – Ты проснулась!

– Я даже успела покричать вам, если уж на то пошло, – констатирую факт, и, кажется, это никак не влияет на ход

дальнейших событий.

Мне помогают подняться, пересаживают в кресло и везут к машине. Чуть поодаль от нас идёт мой отец, он задумчив и мрачен. И мне становится интересно, что же ещё ему сказал такого доктор. Неужели мои дела действительно настолько плохи? Чувствительность возвращается в моё тело, очень аккуратно я привстаю и пересаживаюсь в машину, родители страхуют меня, но в этом уже нет необходимости.

– Лея, – папа садится ближе ко мне, – бывают ли у тебя странные ощущения?

Я прячу телефон под своё бедро, делаю вид, что задумалась, но меня не очень интересует этот разговор.

– Жизнь вообще странная штука, пап, – закатываю глаза, усмехнувшись, – что для тебя странность?

– Выбрось из головы, это был глупый вопрос, – он усаживается удобнее и смотрит перед собой.

У меня ни разу не было представления на такую фразу, как *«я слышу твои мысли или думай тише»*, но сейчас был именно этот момент. Отец в буквальном смысле сверлил пустоту взглядом и решал задачу, не подвластную для его ума. Могло показаться, что он силой мысли старается изменить что-то, но не выходит.

– Я только хотел, чтобы ты знала… как сильно люблю тебя, – произносит он неожиданно и прижимает меня к себе, неловкое движение, и я роняю свой телефон на пол, так и не посмотрев, пришло ли сообщение. – Что ты там постоянно

смотришь? – он поднимает мой телефон, крутит его в руках.

– Это личное, – только уже поздно пытаться забрать смартфон, экран загорается и… что за чертовщина?

– Я заметил это только сегодня и спросил у твоего доктора, может ли это быть последствиями от неправильного лечения? И он предложил мне вывести тебя на честный разговор, собрать больше информации. Теперь ты можешь рассказать мне о своих странных ощущениях или поведении? – он тяжело вздыхает, отдаёт мне телефон. – Давно ты пишешь сообщения сама себе?

– Не надо, – я начинаю прокручивать всю переписку, ничего не понимая и отказываясь верить в это. – Я не сумасшедшая! Этот телефон сломался и, видимо, просто заглючил. – Нервно нажимаю на кнопки. Затем с силой бью его об пол, наступаю каблуками на сенсор, пока сенсор не превращается в крошку. – Я не сошла с ума! Мне написал реальный человек, и у меня нет ни одной долбаной идеи, куда делись его сообщения! – поднимаю растерзанный смартфон, нажимаю на кнопку открытия окна и вышвыриваю его. – Мне плевать, что ты думаешь! Плевать, что вы говорите при враче обо мне в третьем лице.

– Лея, детка, подожди, – останавливает меня мама.

– Никто не смеет копаться в моём грязном белье, ясно? Не надо смотреть на меня так, у меня есть личная жизнь, есть парень, и никакая болезнь не заставит меня сдаться, – слезы внезапно брызгают из моих глаз. – Я не хочу больше

вас видеть! Пусть водитель остановит машину! – ору не своим голосом.

– Успокойся, сядь, пожалуйста, прошу тебя, – восклицает мама и лезет в сумочку, отец резко наваливается на меня всем телом и удерживает полулёжа на сидении.

– Слезь с меня! Я ненавижу тебя! – хриплю под его весом, моё дыхание становится тяжёлым, глаза будто выдавливают из глазниц. Резкая боль в руке, я вырываюсь из рук отца, но всё тщетно.

– *Тебе надо чётко разграничивать реальное от выдуманного, иначе ты никогда не проснёшься*, – шёпотом произносит отец.

Мои веки наливаются свинцом, хватка на мне слабеет, что-то мягкое появляется под моей головой, и я засыпаю безмятежным сном.

Глава 6

Вчера мне пришлось остаться с ночёвкой дома. И проспав практически до обеда следующего дня, я не хотела вспоминать о произошедшем. Только не могла остановиться думать, накручивать и усложнять. Другой вычеркнет произошедшее и любое упоминание *«о нём»*.

– Доброе утро, мисс. Вы должны принять лекарства во время завтрака. Не разжёвывая капсулы, только запивая достаточным количеством воды, – горничная ставит пластиковый столик на мои ноги, затем размещает поднос.

Это начинается снова, значит, отец сообщил врачу о моих «странностях», разговоре с «собой» и агрессии. А ещё моя истерика и сопротивление, конечно, не прошли даром ни для кого. Наверно, поэтому мой день не начался с приветливой улыбки родителей и прислуги. А что они хотели?

В каждой из моих справок написано короткое – БАР. Каждый раз, когда меняется погода или я очень сильно расстроюсь, мозг начинает забавляться, переключая канал на неадекватную часть меня. В пятнадцать я сбежала в другой штат, пока мой теперь уже бывший парень был на важном совещании, потеряла свой телефон и подселилась в захудалую гостиницу с клопами. Чувствовала себя такой не нужной этому миру, мне не было места в нем.

В девятнадцать пыталась утопиться в чёрной реке… За-

тем перерезать вены… Что дальше?

Жизнь с этим расстройством – это мой личный ад. Я даже не подозревала, что это уже не в первый раз я веду себя странным образом. Если объяснить на понятном языке: я радио или телевизор со сломанной антенной, постоянно есть помехи, которые мешают системе работать без сбоев. Мысли и настроение находятся вне баланса, скорее, в его поиске. Нет палитры цветов, только две палочки на маленьком тесте. И они обязательно чёрная и белая. На меня словно не хватило краски, и все, что мне осталось, это выживать. Я – ошибка по распределению жизненных ресурсов…

В данный момент вокруг меня вились две девчонки горничные. Они расставляли приборы и боялись поднять на меня глаза, обиделись с того раза. Плохо выходить из себя и сваливать вину на других, только я ведь не со зла. Смиренно я открываю ненавистный йогурт, на кончике ложки застывает белая жидкость. Отправляю её в рот, чувствую кисловатый привкус, он растворяется на моём языке, отправляется в желудок. Четыре разноцветные таблетки выставляю в ряд по цветовой гамме. Белый конверт на новом телефоне манит открыть его, покончить с ожиданием, в то же самое время пугает. Гаджет принесли совсем недавно, и ещё ни одна душа, в том числе и я, не знает новый номер. Что же за сообщение может висеть уже битый час?

– Вы можете быть свободны, – говорю девушкам, мои ладони начинают потеть от нетерпения, я не хочу, чтобы они

смотрели на меня в момент, когда сорвусь.

– Мы должны увидеть, как вы выпиваете таблетки, – потупив взгляд, одна из девушек делает ко мне шаг.

– Я под надзором? – резко вскидываю голову.

– Это не от нас зависит, простите, – девушки отскакивают в конец комнаты, когда я смахиваю поднос со своих ног и швыряю в них прикроватным столиком.

– Какого чёрта вы себе надумали? – мой голос становится грубым, мне не хватает воздуха. – Пошли вон отсюда, твари!

Хватаю вазочку, стоящую на прикроватном столике, и кидаю в одну из них, девушки бросаются врассыпную.

– Я сказала вон! – ору не своим голосом, соскакиваю с кровати, путаюсь в длинном балахоне шёлковой сорочки. – Убью! – горшок с фиалкой летит в закрывающуюся за ними дверь, и куски земли разлетаются по полу.

Я собиралась спокойно поесть и никого не трогала! И сейчас им не стоило стоять над моей душой и требовать. Смотрю на смешанные с землёй таблетки, следы воздушного йогурта и усмехаюсь. Запереть меня решили? Да как бы не так!

Скидываю с себя одежду и голая мечусь по комнате, нещадно марая стопы в грязной куче дерьма, разлитого и рассыпанного по полу. Сообщение приводит меня в бешенство, иконка моргает, будто сводя меня ещё больше с ума, когда приходит ещё несколько сообщений, я хватаю смартфон и швыряю его в стену. Я ещё никогда не получала такого удовлетворения от простого звука разбивающегося гаджета.

Уэйн – моя фантазия! Я своими глазами видела, что нет ни одного сообщения, ещё не придумали ту программу, чтобы стереть информацию у меня.

Что я вообще делаю? У меня есть парень! Жених! Смотрю на свою руку, кольцо, усмехаюсь. Вот что значит фантазии и реальность! Кольцо с розовым камушком призывно блестит. Да и вообще, зачем мне нужен непонятно кто? Да, он очень симпатичный и такой… земной, чёрт его дери! Земной! Настоящий! Нормальный! Идиотка наивная! Психичка!

Боже! Скидываю все вещи на пол, слышу шаги поднимающихся по лестнице людей. Эти суки позвали моих родителей, может, охрану или ещё хуже – санитаров. Больница! Долбаная жуткая больница и эти вечно ноющие психи, смотрящие одну и ту же программу. А ещё мои таблетки и ступор, в который я впадаю от них. Мечусь по комнате, подбегаю к тяжёлому комоду, толкаю его к двери, едва не лишаясь сознания. Он настолько тяжёлый, что у меня начинает болеть низ живота. Сжав зубы, подпираю им двери. Что ещё? Шкаф? С сомнением оглядываю всю комнату, надо быстрей одеться и постараться скрыться от всех. К Юджину! Только он меня сможет понять и утешить. Самый мой реальный и надёжный! Хотя каждый раз, когда мы ругались с ним, у меня появлялись нехорошие мысли касательно своей жизни, верней, неустойчивого маятника, на который приходилось ориентироваться. Но по крайней мере он знал, как вывести меня из этого состояния. И теперь поможет. Кто-то несколь-

ко раз дёргает дверную ручку на себя, впопыхах натягиваю спортивные штаны, футболку и кожаную куртку на голое тело. У меня не остаётся времени на поиск обуви, чёрт с ней.

Обхватываю свои плечи руками, меня всю трясёт, слезы стекают по щекам, превращая меня в психопатку. Отбегаю от двери, поскользнувшись на белой жиже йогурта, падаю на спину, больно ударившись головой. На коленях ползу к балконной двери, под грохот кулаков по двери. Прижимаюсь спиной к стене и смотрю на колышущиеся шторы открытого окна. Медленно поднимаюсь, оглядываюсь на дверь. Ветер будто зовёт меня присоединиться к его лёгкому веянию, раздувая куртку. Мои щеки горят, когда смотрю вниз на машины, выстроенные в ряд, подстриженный газон и цветы, что так любит моя мама.

Мир будто на моей ладони. Хочу вернуться туда, где все началось, где я могла оставаться собой. Переписать свою историю по новой.

Держусь за каменный выступ и становлюсь на бортик перил, удерживаю равновесие. Я могу разбиться, а может, это очередная галлюцинация? Поток ветра толкает моё истощённое тело вперёд, выгибаюсь, но я не теряю равновесия… Обняв водосточную трубу, цепляюсь за её крепления и спускаюсь по ней вниз до самых кустарников.

И пусть, я снова шагнула за черту. Очень надеюсь, что эпизод переписки с нафантазированным человеком был не очередным дебютом психиатрии, моей точки отсчёта, яр-

ким проявлением биполярности. Последняя ярко очерченная фаза, которая задаст направление моей дальнейшей жизни.

Соскользнув на землю, зная территорию как себя, бросаюсь к заднему двору и утопающей в винограднике двери. Толкаю её от себя, проваливаюсь в старые заросли, покрытая мхом дорожка, острые шипы и насекомые. Джонатан показал мне этот путь до реки ещё в детстве. И я так часто бегала туда, что забыть этот путь невозможно! Запутавшись в сухих ветках волосами, я тихо рычу, выдираю пряди и пробираюсь всё дальше. Босые ступни раню о мелкие осколки камней, рассыпанных на испещрённом рытвинами асфальте. Сбитые в кровь пальцы оставляют красные следы, указывая, куда именно я направилась. Небо заволокло тёмными тучами, словно чувствуя мой настрой, они тяжёлой стеной закрывают некогда яркий солнечный свет. Всё как будто предвещает красивый конец моей трагичной истории.

Спускаюсь вдоль бурно текущей реки, горячий песок, смешанный с солью прибрежной линии, щиплет мои раны на ногах. Они напоминают, как долго я к этому шла, сколько ждала ответа, терялась в догадках, что со мной не так, и проиграла. Я психически неустойчива, больна и не знаю, как справиться со всем этим. Мне от этого страшно!

Это горькая правда, готовая уничтожить меня, серной кислотой стекающая изнутри, выедая до некротических струпьев. Я хочу пройти мимо. Хочу не слышать, как меня

зовёт к себе мирно текущая река. Не хочу вспоминать, как мой брат окунулся в её воды и исчез навсегда! Как я искала его, река выплюнула меня, как будто даже для неё я испорчена, и она забрала себе лучшего из нас – моего брата!

Шаги становится делать всё трудней, меня манит это место. Вот тот самый камень, именно тут я обронила часы и не смогла найти. Здесь мы разговаривали с Джонатаном. Медленно оседаю на песок и пропускаю его мелкие песчинки сквозь пальцы. Берег теперь выглядит немного иначе, высокие камыши стоят в мой рост, их коричневые плоды выглядят как сигары с плантации Шато де ла Фуэнте. Смешно, но, однажды оставшись допоздна, мы жгли их на этом самом месте и грелись. Это был наш секрет выживания. В тот день я впервые поняла, что не такая, как все, рассказывая о своей первой любви и страдая от выгорания этих чувств. И только мой Джонатан понял, насколько безумной я была тогда. У меня был странный приступ, не похожий ни на что. Я билась с ним, как воительница, практически на смерть, потом рыдала, не могла никак остановиться и найти золотую середину. Он лишь обнимал меня и крепко держал в объятиях.

И только потом оказалось, что зачастую с трудом могу понять, когда заканчивается белая полоса со спокойным душевным состоянием и переходит в чёрную депрессию. Мой мозг меня постоянно обманывает, и самое ужасное в том, что он специально ведёт меня, толкает к черте. Я могу в один момент быть в полной растерянности и убежденности, что

из этого состояния никогда не выйду, а завтра уже с полной уверенностью и улыбкой на лице буду строить грандиозные планы на будущее. Я не хочу думать, что это мой дар, метка божества, что я могу приравняться к таким людям, как Курт Кобейн или Мэрилин Монро, они слишком плохо кончили. Каждый день я чувствую себя по-разному. Планы на счастливое будущее, затем наступает полнейшая пустота без каких-либо надежд. Какое именно состояние будет сегодня – неизвестно. Для меня каждый день является последним. Совсем как сейчас.

Молния рассекает небо на две части, ёжусь, обхватываю себя руками. Я помню, как стала ненавидеть свою жизнь, это было невыносимо тяжело относиться ко всему спокойно. Стоило ли надеяться, что все пройдёт? Одна встреча с Уэйном откинула меня на несколько месяцев назад.

И теперь я сижу здесь, одолеваемая демонами, мозг извращённо изворачивается и придумывает всё новые поводы для паники. Снова чувствую боль и удушье в груди, слезы сами по себе текут по щекам. Я не понимаю, что мне делать. В один момент все силы меня покидают, я уже не могу найти ниточку, с которой всё началось, чтобы начать сначала. Никто не найдёт меня в этой реке. Мне невыносимо, что я хочу всё остановить, но уже не могу больше терпеть.

– Я так устала, – произношу слова в небо, может, оно меня захочет услышать и подаст хоть какой-то сигнал, вглядываюсь в мелькающие вдали молнии. Встаю и иду им навстречу,

превозмогая порывы ветра, ради ответов, которые терзают меня, вгоняя в панику. Камыши начинают шептаться, опускаю ноги в холодную воду, пробираясь сквозь них. Тело покрывается мурашками и дрожит, это холод, смешанный со страхом, и ожидание. Громко вскрикиваю, срываясь по самый пояс в воду, цепляюсь руками за камыши и жадно хватаю воздух.

– Куда собралась? – не могу разобрать, откуда раздаётся голос мужчины, вздрагиваю.

Резко оглядываюсь в сторону голоса, ищу глазами свою фантазию.

– Тебя нет на самом деле, – руками со всей силы ударяю по воде, проваливаюсь по самый подбородок, застреваю в глубинном иле, вызываю брызги капель, оседающих на моём лице. – Ты моё воображение! Долбаная фантазия!

– Ты так не думаешь, колючка. Я же обещал тебе быть рядом, – я ненавижу эти слова, они меня обнадёживают и пугают.

– Это неправильно, – хватаюсь за траву, жадно режущую мои руки до крови. – Именно ты всё испортил. Я шла на поправку.

– Лея, выйди, пожалуйста, на этот маленький выступ, поднимись на него и протяни мне руку, – ветер стирает его голос, поднимаясь до ужасающих пределов.

– Сколько ещё? – кричу я, начиная рыдать в голос. – Сколько ещё ты будешь сводить меня с ума?! Я не хочу боль-

ше в клинику! Не могу проходить все эти процедуры! Когда ты прекратишь появляться? Я ведь тону! – холодная вода поднимается немного выше, я всхлипываю от её касаний. Чертовски ледяная и опасная река, но не так ли я хотела?

– Тогда я пойду с тобой ко дну, – спокойно произносит он, позади меня раздаётся громкий всплеск, я вижу его: реальный, настоящий.

– Иди ко мне, малышка, – теперь я слышу родной голос за своей спиной. – Протяни свою руку. Я обещаю, что мы справимся. И я не оставлю тебя одну никогда.

Во мне борется столько эмоций, страхов и сомнений…

– Я прошу тебя, повернись ко мне, – отрицательно качаю головой, пряди волос прилипли к моему подбородку, свисают сосульками на моём взмокшем лбу. – Это болезнь, она управляет тобой. Всё, что тебе необходимо, взять себя в руки и дать мне шанс помочь.

Тяжёлые занавесы туч пропускают крошечный луч солнца, я слежу за тем, когда же он достигнет меня, едва ли коснётся своим нежным сиянием. Протягиваю руку и в восхищении наблюдаю за бликами переливающейся воды о камень, сердце пропускает удар, затем ещё один. Этот день не может закончиться таким образом, я оборачиваюсь и выхожу из тьмы…

– Я схожу с ума, – едва раскрываю рот, хватаю его ладонь, мужчина тянет меня на себя. Он вытаскивает меня на берег, я падаю прямо ему на грудь, тяжело дыша, всхлипываю,

схватившись за его футболку. – Я ненормальная.

– Значит, и я такой же, – он приподнимает меня за подбородок и целует в нос. – Обещай больше так не поступать.

Поворачиваю голову набок и наблюдаю за чёрной водой, уносящей своим потоком поломанные ветром палки и сорванные листья. Ветер бьёт стебли камыша друг об друга, он не щадит их, как и меня моя болезнь.

– Ты их искала? – спрашивает меня Уэйн, приподнимаясь вместе со мной на локтях, я слышу лёгкий звон металла и тяжело сглатываю.

– Где ты их взял? – сажусь к нему спиной, выхватывая потерянные мной на этом берегу часы Джонатана, – …время просачивается сквозь пальцы. Оно наш судья… так говорил мой брат.

– И он был прав. Зачем они ему были нужны? – спрашивает мужчина, поднимаясь.

– Они отсчитывали его время в больнице, думал, что, пока стрелки движутся, – он жив, – отвечаю словами Джонатана.

Нажимаю на кнопку, металлическая крышечка открывается, пугая меня. Стрелки… они не движутся. Роняю часы на песок, отскакивая от них как обезумевшая. Они не движутся!

– Эй, ты как? – я дёргаюсь всем телом, оборачиваюсь и вижу Юджина. – Детка, ты меня так напугала…

Мои ноги подкашиваются, тело не слушается, а я падаю на песок.

Глава 7

Щебетание птиц за окнами, запертые ставни и тяжёлый воздух в комнате. Вдыхаю полной грудью и приподнимаюсь на кровати. Я очень надеюсь, что всё то, что я вспоминаю, является игрой моего воображения или сном. Медленно вытаскиваю свои ступни из-под тяжёлого покрывала, перебинтованные конечности заставляют меня сжать зубы и втянуть в себя ещё глубже воздух. Хочу переломать себе кости, чтобы не делать все эти вещи с собой каждый раз, как только на меня находит тьма.

Двери, казалось бы, комнаты тихонько приоткрываются, и появляется незнакомая девушка, в её руке бонг, из которого выходит сероватый дым. Она долго смотрит на меня, затем лениво закрывает скрипучие двери и уходит. Мне бы встать и посмотреть, что происходит, да только мои ноги, едва коснувшись пола, подгибаются, и появляется слабость. Все силы растрачены, и теперь я почти растение, буду лежать, пока не найдутся силы воспарить духом. Падаю на подушку спиной, сжимаю её руками и осматриваю комнату. Я счастлива, что есть хоть что-то реальное в моей жизни. Обои со странным рисунком цвета миндаля, грязное зеркало с чьими-то следами от губной помады, люстра с одной лампочкой вместо трёх и одинокая картина с изображением Боба Марли.

Внезапно в коридоре слышатся тяжёлая поступь несколь-

ких человек, затем непонятная толкотня, и дверь с громким ударом об стену открывается, впуская в комнату столб дыма. Юджин на подкосившихся ногах влетает в комнату, едва удержавшись за деревянный косяк. Выдав странную ухмылку, выпрямляется и очень аккуратно подносит к кровати бонг, удерживая его бережно двумя руками. Он долго смотрит на моё лицо, дым застилает глаза, а я начинаю кашлять.

– Что ты притащил? – еле слышно говорю я, не в силах стереть выступившие от ядовитого смога глаза.

– Ингалятор, – он прыскает от смеха, его голубые глаза блестят озорством. – Воспрянешь духом, воспаришь, – оглядывается на девчонку, стоящую в дверях, и машет ей подойти. – Помоги.

Странной формы колба, больше похожая на аппарат для увеличения… кхм, не важно. Штука оказывается около её лица, девчонка жадно вдыхает в себя густой дым. Запрокинув голову, она закатывает глаза, потом, покашливая, начинает странно улыбаться.

– Ты хочешь, чтобы я накурилась? – с трудом поворачиваю к нему лицо. – Юджин, у меня нет сил даже говорить.

– В том-то и дело, давай помогу тебе, – он подталкивает меня в спину, пододвигая к краю кровати. Девушка держит в руках колбу, пока под моей головой появляется множество тряпок. Я принимаю почти вертикальную позу, только на боку, а это очень некомфортно.

– Юджин, я не хочу торчать от твоей дури, травы или что

ты там мне толкаешь в лицо, – тонкая струйка с вонючим дымом касается моего носа.

– Давай, малышка. Ты сейчас будешь носиться по комнате как… – он останавливается, явно подбирая правильное слово, – такой активности у тебя ещё ни разу в жизни не было. Твоё дело просто набрать полный рот и выпустить через нос.

Этот парень хочет подсадить меня на запрещённые средства, и сомневаюсь, что они настолько помогают. Как только мутный густой дым поднимается по колбе вверх, я втягиваю в себя что есть силы, лишь бы все от меня отстали и дали спокойно умереть. Юджин хмурится, резко хватает меня за волосы на затылке и отодвигает голову назад, пока я кашляю, боясь выплюнуть свои лёгкие.

– Наташа, забери его к чертям. Сдурела совсем! Куда сразу столько! – он затягивает волосы ещё сильней и притягивает лицо для поцелуя. – Ненормальная, – прыскает от смеха.

У меня не начинает темнеть в глазах. То ли поцелуи так влияют, то ли травка. Но мне хорошо настолько, что я задираю голову и отвечаю на поцелуи, пока в лёгких не заканчивается воздух. Губы Юджина становятся всё настойчивей, он облизывает меня, как кот, получивший порцию вкуснятины. Всё это время девушка напротив нас не двигается с места. Замечаю боковым взглядом, как она снимает со своего плеча тонкую лямку и начинает ласкать голую грудь. Отталкиваю от себя мужчину, хочу громко возмутиться, вот только у меня перехватывает дыхание. Голова начинает кружиться,

сначала кажется, будто меня окунули в чан с вонючей травой или душат таким образом, потом спустя несколько минут меня будто прижимает к кровати и я откидываюсь на спину, раскинув широко руки.

– Спасибо за помощь, Наташа, только, кажется, это лишнее, – мой жених провожает взглядом обиженно надувшуюся девушку и сосредотачивается на мне. – Не смотри на меня так, она подружка Нормана или кого-то из компании.

– Ага, пришла соли попросить, – рявкаю я, неизвестно откуда найдя силы.

– Я ни с кем тебе не изменял. Даже не сочиняй, сама знаешь, в основном исполняю все твои прихоти. Скажи ещё, что ты никогда не думала о сексе втроём, – он хмыкает, садится на пол и закидывает голову на кровать.

– Что ты несёшь? – корчусь от злости, хватаю со стола бутылку пива и сбиваю кружку об угол столика под удивлённый взгляд моего будущего мужа.

– Не плохо для аристократки, – сжимает губы, как бы одобряя.

Подношу горлышко с хмелем к губам и делаю жадные глотки горькой жидкости. Горло сушит, и, естественно, это не лучший выбор, вот только пить хочется слишком сильно. Сползаю к нему на пол, он подтягивает меня к себе ближе. Пальцы запутываются в моих волосах. Он нюхает их, затем целует меня в лоб, я глажу, целую в ответ его ладонь, прижав к губам.

– Что за ерунда вчера с тобой произошла? Я пришёл к тебе домой, увидел, как ты ломанулась по дорожке ползком до какой-то двери. Слушай, можно же обойти спокойно, зачем лезть через эти ходы? Пока нашёл тебя, думал, век пройдёт, – он чешет свою щеку, движения становятся медлительными, как и тон его голоса.

– Тайный ход, – очень медленно произношу я, наконец ощущая своё тело, поднимаю руку, и она будто невесомая.

– Будет странно, если я скажу тебе подобное, только что ты хотела? Типа утопиться? Так, а чего на мост не пошла? Пару метров и всмятку о камни, вообще никаких проблем, – он пьяно поднимается, вдыхает в себя дым и ставит бонг на столик.

– Подсказываешь, как мне убиться? – приподнимаюсь, отталкивая его от себя.

– Подсказываю, как избежать агонии, – хватает меня за плечи и снова крепко обнимает, а перед моим лицом появляется колба с дымом, приноровившись, втягиваю в себя и расслабленно закрываю глаза. Эта штука работает, расслабляет как следует. Дым обладает странным вкусом и запахом, но делает странные вещи с моим телом. У меня будто нет костей, как только пытаюсь встать – ноги становятся ватными, я падаю как подкошенная или состоящая из желе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.